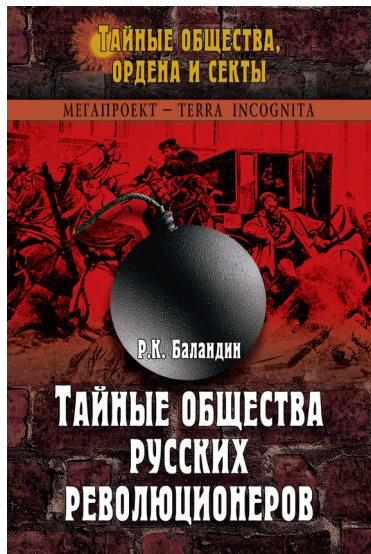

Рудольф Константинович Баландин
Тайные общества русских революционеров
Серия «Тайные общества, ордена и секты»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033686
Баландин Р.К. Тайные общества русских революционеров: Вече; Москва; 2007
ISBN 978-5-9533-2182-2, 978-5-4444-8315-2

Аннотация

Кем были русские революционеры XIX века: искренними борцами за счастье народа или членами тайных обществ, в чем-то подобных масонским ложам? Где грань между классовой борьбой и террористической деятельностью? Автор этой книги дает читателю возможность проследить поистине крутые повороты судеб декабристов и народников, анархистов и социал-демократов. Их действия почти всегда оборачивались трагедией и для них самих, и для тех, кто их окружал. Так что их жизненный урок, по мнению автора, вызывает не только исторический интерес. Это еще и предостережение...

Содержание

Пролог	5
1	5
2	6
3	9
4	12
5	17
Глава 1. Трудные годы России	18
Предтечи революционеров	18
Опасные плоды просвещения	26
Крестьянская революция	31
Закрепощенное сознание	36
Смятение умов	39
Пошатнувшаяся установка	41
Декабристы. Надклассовые корни революций	44
Масоны. Психология тайных обществ	51
Глава 2. Революционный террор	59
Предтечи народовольцев	59
«Царская охота»	65
Самодержавие и народность	71
Интеллигенты творят «народную расправу»	78
«Бесы» революции	82
Политические убийства	87
«Что нужно народу?»	91
Борцы против самодержавия	94
Российское общество и народники	98
Глава 3. Бациллы общественного брожения	107
Революционное мессианство	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Рудольф Константинович Баландин

Тайные общества русских революционеров

© Баландин Р.К., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Пролог

Мятеж, переворот, революция

*В начале был мятеж.
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.*
Максимилиан Волошин

1

С этими тремя понятиями связано немало споров и предрассудков. И это не удивительно. Они имеют не академический, а самый животрепещущий интерес, ибо во многом определяют жизнь общества и влияют на судьбы людей.

Мятежи, бунты, перевороты существуют тысячи лет – с тех пор, как возникло государство. Их можно считать социальными катастрофами. Но с не меньшим основанием они претендуют на роль движущих сил, стимулов, определяющих развитие общества, культуры, человеческой личности.

Они – показатели кризиса существующей системы (не обязательно социальной). Он может разрешиться более или менее спокойно, мирными преобразованиями. Однако нередко процесс носит катастрофический характер. В результате система или укрепляется, переходя на новый, более высокий уровень сложности, организованности, энергоемкости, или деградирует и разрушается.

Подлинные социальные перевороты расшатывают сложившиеся устои общества и обычно вызывают гражданские войны, террор, бедствия значительной части населения. Но те, кто в результате выгадал, непременно называют свершившиеся перемены прогрессивными. Это еще в XVI веке отметил англичанин Джон Харрингтон (перевод С.Я. Маршака):

Мятеж не может кончиться удачей.
В противном случае его зовут иначе.

Да, тогда он называется революцией.

В отличие от дворцовых переворотов революции сравнительно быстро преобразуют общество, а не только меняют властителей. В этом они подобны природным катаклизмам. Однако и последствия революций по той же причине бывают долговременными, растягиваясь на годы, а то и десятилетия, пока не наступит стабилизация.

Затем, после некоторого периода спокойствия, наступает пора так называемого зстоя. Точнее можно ее назвать временем относительного совершенства с неизбежным последующим кризисом. Ибо внутренние силы или внешние обстоятельства вызывают противоречивые процессы в обществе, расшатывая его структуру.

Если не происходят постепенные преобразования, то постоянно накапливающиеся противоречия разряжаются очередной социально-политической, духовной и экономической катастрофой. Ее результатом бывает либо подъем на новый уровень развития или деградация. В самых общих чертах таков цикл любых сложных систем – от глобальных геологических и биологических до социальных, интеллектуальных (эволюция личности – не исключение).

2

Выдающийся французский естествоиспытатель Жорж Кювье свою самую знаменитую книгу назвал «Рассуждения о революциях на поверхности земного шара» (в русском переводе – «о переворотах»). Она была написана вскоре после Великой французской революции. Изучая слои горных пород, ученый сделал вывод: «у природы могли быть свои внутренние войны», а «поверхность земного шара подвергалась переворотам и катастрофам». Общественные потрясения навели Кювье на мысль, что нечто подобное характерно и для природных процессов, совершается естественно, а не по воле Бога, как следовало из Священного Писания.

Однако в России еще в середине XIX века достаточно широко распространилось мнение, будто революции в общественной жизни совершаются по воле отдельных злонамеренных лиц, заговорщиков, обуянных бесовщиной. В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» главный герой утверждает: «Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ». Но, кроме зверского убийства, его тайная организация ничего сделать не смогла. Нечто подобное происходило в действительности. Более того, партия социалистов-революционеров осуществляла сотни террористических актов. Несмотря на многочисленные жертвы, никакой революции они не совершили.

Жорж Кювье

В 1911 году в Санкт-Петербурге была издана объемистая книга Е. Шабельского (по-видимому, это псевдоним) «Сатанисты XX века». В ней утверждается «существование огромного тайного общества, поставившего себе целью развращать все народы и губить все государства ради доставления всемирного владычества одному народу – жидовскому». Такова доведенная до последнего предела мысль о возможностях подпольных организаций.

Вот и в наши дни отчасти благодаря усилиям СМРАП (средств массовой рекламы, агитации, пропаганды) эта идея обрела популярность. Она ни на чем не основана, кроме стремления многих людей к простейшим объяснениям чрезвычайно сложных явлений. Кроме того, сказываются невежество и суеверия, плохое знание истории своей страны и мировых цивилизаций, а также природных процессов. Современный представитель технической цивилизации одинаково отстранен как от живой природы, так и от «книжных премудростей». Он черпает информацию из СМРАП (включающих Интернет), не имея ни времени, ни умения, ни желания ее осмысливать здраво и непредвзято.

Те, кто обвиняет в революциях конкретных людей, подпольные общества или партии (короче – революционеров), подобны верующим в силу магических заклинаний... Впрочем, за последние два десятилетия у нас в России приобрели невиданную популярность всяческого рода колдуны, маги, экстрасенсы, ворожеи, гороскописты. Таков очевидный показатель утраты здравого смысла. Данный феномен обстоятельно и убедительно проанализировал Сергей Георгиевич Кара-Мурза в книге «Потерянный разум».

По меньшей мере наивно полагать, будто крупные социальные перевороты происходят по воле отдельных личностей или тайных организаций. Подлинные революции стихийны подобно природным катастрофам. Они решительно отличаются от мятежей или дворцовых переворотов и вызваны прежде всего глубинными процессами, происходящими как в обществе, так и в общественном сознании.

Чтобы понять, как это происходит, необходимо учитывать, в частности, деятельность тайных организаций. Их роль особенно велика в мятежах и дворцовых переворотах. Подобные заговорщики не способны совершить революцию. Однако они расшатывают устои существующего государственного строя и воздействуют на общественное мнение. Вольно или невольно они создают революционную ситуацию.

3

Тайное обладает притягательной магической силой. Но когда оно становится явным, когда ниспадает покров таинственности, слишком часто испытываешь разочарование. Под ним порой скрывается убогая выдумка или искаженная до неузнаваемости действительность.

С древнейших времен были люди, спекулирующие на разного рода тайнах – от эликсира бессмертия и панацеи от всех болезней до контактов с инопланетянами. Столь же древними являются тайные организации – особая форма объединения сравнительно немногих «избранных» или «посвященных». У них могут быть частные низменные цели, нередко криминальные. Но могут быть и цели возвышенные.

Наполеон Бонапарт

«Что побуждало и что побуждает людей вступать в тайные общества? – задавали вопрос А. Горбовский и Ю. Семенов. И отвечали: – Существует, очевидно, некий спектр причин. Одни лежат на поверхности, другие могут быть скрыты столь глубоко, что и сам вступающий в общество не догадывается о них. Это может быть и любопытство, и затаенное желание утвердиться в собственной исключительности, и неудовлетворенность повседневным, обыденным своим существованием, и, наконец, жажда обрести... цель жизни, сверхзадачу, смысл бытия».

Странно, что из перечня выпала весьма существенная причина: недовольство существующим государственным устройством, стремление насильственно изменить его. Одних

людей такой революционный переворот может привлекать возможностью обрести власть (яркий пример – Наполеон Бонапарт). Других вдохновляют идеи справедливости, свободы. Хотя и в этом случае не исключена подспудная, подсознательная жажда славы, личного благоденствия.

Тайные общества подобно чемоданам конспираторов нередко имеют «двойное дно». Их организаторы и руководители рядовым членам предлагают одни идеалы, одну программу действий, тогда как сами могут иметь в виду совсем иное. Что именно? Об этом приходится только догадываться или делать выводы, основываясь на конкретных действиях данных лиц.

Вот и мы будем рассматривать не только идеи, которые провозглашали в своих уставах тайные общества русской революции, и методы борьбы за их осуществление, но и то, как эти теории осуществлялось на практике, кем и с какими результатами. Кроме того, постараемся осмыслить причины и движущие силы революционных движений, их роль в общественной жизни.

Трудно сохранить более или менее объективное отношение к революционерам, их деятельности и ее последствиям. И дело тут не столько в авторе, сколько в читательской аудитории. За последние два столетия в общественном сознании российской публики складывались два несовместимых, полярных, предельно контрастных взгляда на эти вопросы.

В царское время официальная пропаганда клеймила революционеров как смутьянов, насильников, врагов России, агентов западных держав, анархистов-антихристов, обуянных бесовской гордыней и страстью к разрушению. Однако в среде интеллигенции, деятелей культуры возникло и со временем приобрело немалую популярность иное мнение: это – бесстрашные борцы за правое дело, за справедливость, свободу, равенство и братство, за освобождение русского народа от гнета самодержавия, мироедов, эксплуататоров.

После свержения царизма и установления власти большевиков отношение к революционерам в целом изменилось на прямо противоположное. Официальная пропаганда представляла их (хотя и не всех) как героев и борцов за правое народное дело. А в кругах интеллектуалов как западного, так и «почвенного» направления складывались о них негативные представления. Первые утверждали, что советская власть отказалась от благотворительной буржуазной демократии, установив тоталитарный режим, подобный царскому. Вторые обвиняли революционеров в разрушении искони русской триады «Бог, царь и Отечество», равно как «Православие, самодержавие, народность». И это даже несмотря на то что свергла царизм именно Февральская буржуазная революция.

В одном были едины царская, демократическая (Временное правительство) и советская власть: они крайне отрицательно относились к анархизму и терроризму. Это естественно. Руководители государства не могут признать благо безвластия и хотя бы частичную правоту тех, кто готов жертвовать своей и чужой жизнями ради высоких идеалов свободы и справедливости, которые считают достойными таких жертв.

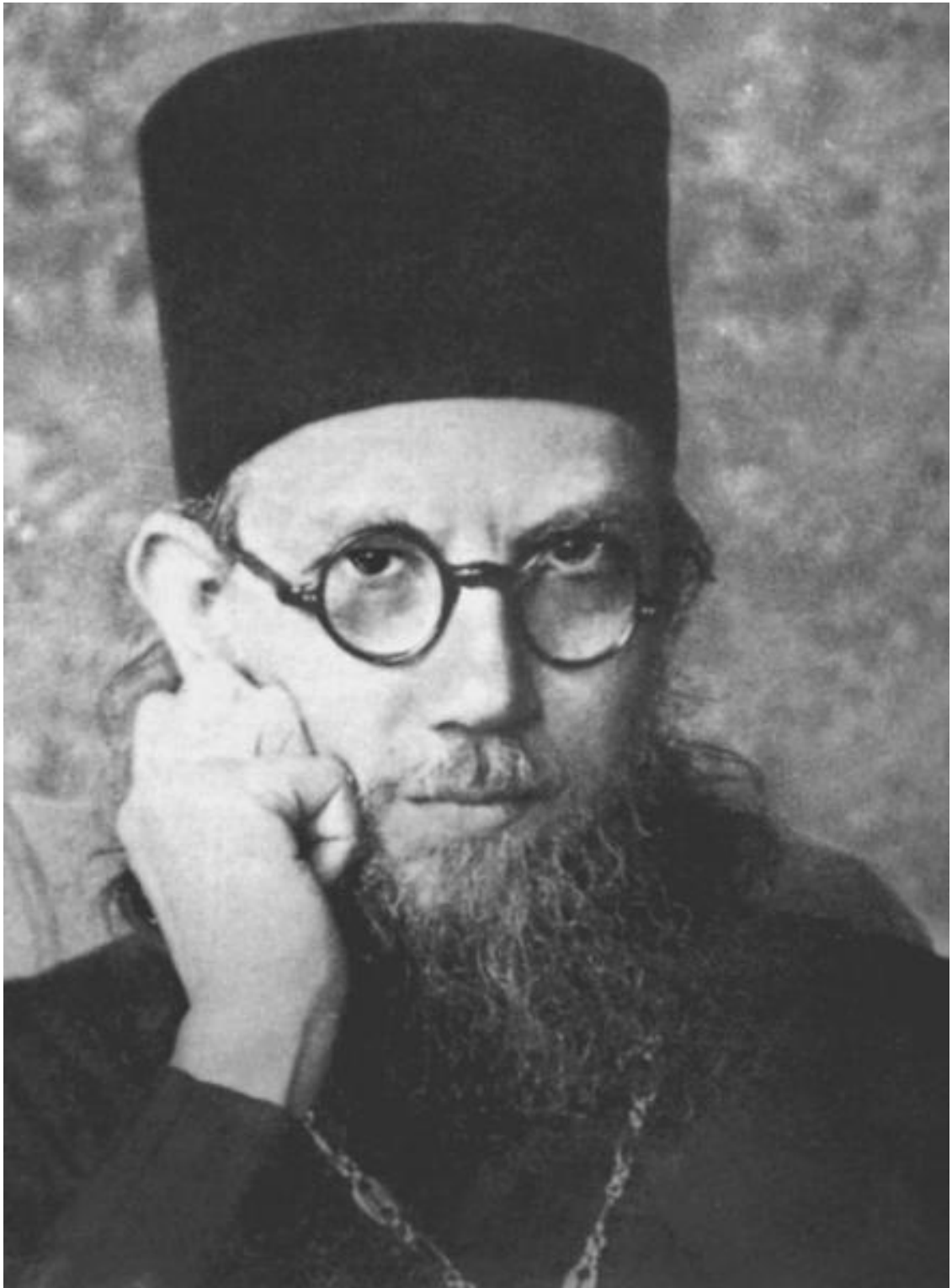
4

Какими бы ни были наши взгляды, следует помнить: идеалы революционеров и сами эти люди бывали разными.

Замечательный православный философ Сергей Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» (1909 год) писал: «Выступление Дмитрия Донского по благословению преподобного Сергия против татар есть действие революционное в политическом смысле, как восстание против законного правительства. Но в то же время, думается мне, оно было в душах участников актом христианского подвижничества, неразрывно связанного с подвигом смирения. И, напротив, новейшая революция, как основанная на атеизме, по духу своему весьма далека не только от христианского смирения, но и христианства вообще».

Безусловно, атеизм как религия отрицания бытия Бога существенно отличается от христианства. Но разве не свершались христианами злодейства и преступления? Или не было среди атеистов замечательных людей высокой нравственности? Принадлежность к той или иной религии, даже исполнение соответствующих обрядов еще не критерий безгреховности. В тайных революционных организациях состояли вовсе не одни лишь злодеи.

Да и с подвигом Дмитрия Донского не так все хрестоматийно просто. На его стороне были, в частности, полки татар, а его противниками были – среди крымских ордынцев – христиане (и католики, и православные). Если считать, что любая власть – от Бога, то Дмитрий Донской не выказал смирения, восстав против Мамаевой Орды. Иначе говоря, предпочел революционный путь.

Булгаков С.Н.

Говоря о событиях 1905 года в России, С.Н. Булгаков отметил: «Если до революции еще легко было смешивать страдающего и преследуемого интеллигента, несущего на плечах героическую борьбу с бюрократическим абсолютизмом, с христианским мучеником, то после духовного самообнаружения интеллигенции во время революции это стало гораздо труднее».

Добавим: еще резче это обозначилось во время и после 1917 года. Тогда представители русской интеллигенции оказались по разные стороны баррикад и фронтов. Даже многие священнослужители не были смиренны, не стали «над схваткой», призывая не к братскому единению, а к братоубийству. Об этом свидетельствовал Сергей Есенин, которого нельзя заподозрить в предвзятости. Он пересказал признания монахов в своей родной деревне:

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Безусловно, христианское подвижничество смиренно. В этом отношении оно противоположно революционному подвижничеству. Но и то, и другое в своем искреннем, подлинном виде проявляется не слишком часто. Мало ли лицемеров-святош? Еще больше, пожалуй, тех, кто использует революционную ситуацию в своих эгоистических целях.

В угаре политических распрей или тем более гражданской войны, борясь за власть или обретая ее, люди преображаются. Экстремальные ситуации провоцируют экстремальные действия. Как поступать в таких случаях? Бороться за свержение существующего строя или защищать его?

Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского

Полезно задать себе этот вопрос, прежде чем хвалить или ругать революционеров или их противников. И кристально честный человек, и прожженный негодяй могут оказаться как на одной, так и на другой стороне. Ну а те, кто предпочтет занять выжидательную позицию (таких большинство), вряд ли достойны восхищения. Они стараются наилучшим образом приспособиться к изменчивой обстановке чаще всего ради личной выгоды или из трусости.

Хотя есть у них и положительная социальная роль как инертной массы, определяющей стабильность общества.

5

Тайная организация, какой бы она ни была и какие бы идеалы ни исповедовала, уже по сути своей изолирована от общества и в той или иной степени противостоит ему. Она – вне закона даже в том случае, когда подобно «Священной дружине» начала 1880-х годов призвана отстаивать существующее государственное устройство.

Члены тайной революционной организации стремятся свергнуть правительство (правителя), свершив государственный переворот, а в дальнейшем коренным образом изменить общественный строй, его классовую структуру. Не удивительно, что любое правительство, любая государственная система и все те, кто ее поддерживает, с подозрением или с ненавистью относятся к подобного рода организациям.

Ну а как же – народ?

Подавляющее большинство жителей данной страны не знают о них (на то они и тайные) или даже не желают их знать. Те, кто о них наслышан, вовсе не обязательно поддерживают революционную идеологию. Тем более что ее стараются извратить, преподнести в неприглядном виде имущие власть и капиталы, соответствующие государственные органы. По этой же причине нелегко выяснить правду о тайных организациях.

В данной книге речь пойдет о народниках и народовольцах, а также о некоторых их предшественниках и последователях. Литература на эти темы чрезвычайно обширна: тысячи книг и вдесятеро больше статей, очерков, мемуаров, не говоря уже о бесчисленных архивных документах. Приходится производить отбор по своему разумению и по своим возможностям.

Я не историограф и не претендую на доскональное знание опубликованных и архивных материалов. Сами по себе они необычайно интересны, порой читаются, как хороший детектив. Однако в этом океане информации легко потерять ориентиры и сбиться на перечисление самых разнообразных, нередко противоречивых сведений.

Взялся за эту работу я прежде всего потому, что и сам хотел бы разобраться в проблемах русского революционного движения в свете современной истории нашей Родины. Не собираюсь ни обвинять, ни прославлять революционеров. К историческим событиям надо подходить не в мундире прокурора и не в адвокатской мантии. Историю необходимо восстанавливать, чтобы сознать и учитывать ее уроки.

Глава 1. Трудные годы России

*Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами – Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии – все творчество России:
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несем культуру взрыва...
...Поэтому так непомерна Русь
И в своеволии, и в самодержавьи.
И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история России.*
Максимилиан Волошин

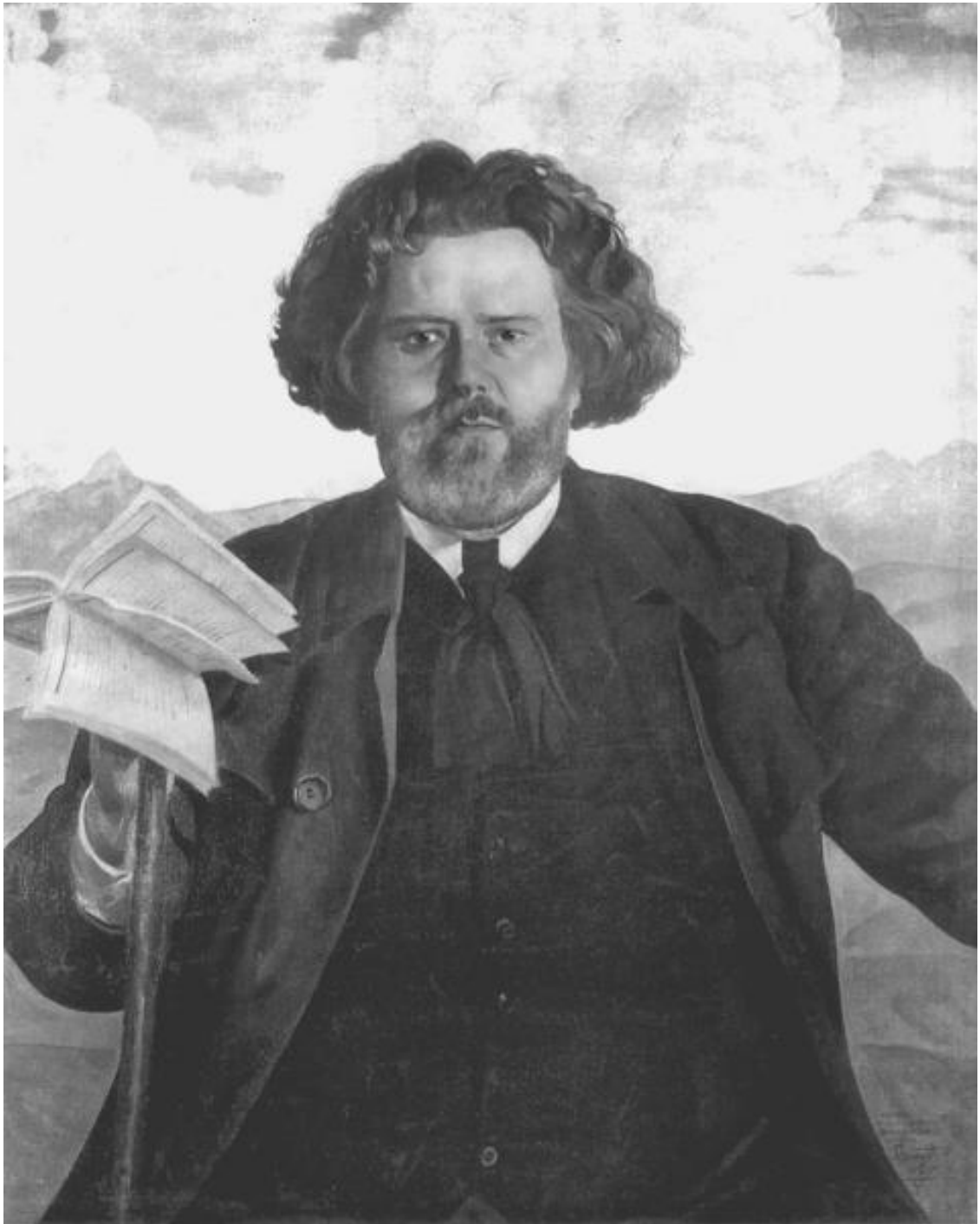
Предтечи революционеров

Когда, каким образом и почему возникли тайные революционные общества в России?

Для их появления и дальнейшего развития требовался целый комплекс условий, относящихся к материальной и духовной сферам (социальных, экономических, политических, идеологических, психологических). Большое значение имеют события, происходящие в других странах, и общий ход развития культуры и цивилизации.

Сразу же надо иметь в виду: революционные идеи если и проникают в страну извне, то не могут укорениться без благоприятной почвы.

Например, нынешние сторонники монархии (знающие о ней лишь понаслышке и признающие только панегирические источники) полагают, будто некогда наш народ поклонялся триаде «Бог, царь и Отечество», отличался феноменальным терпением и христианскими добродетелями, пребывая в смирении и послушании.

Волошин М.А.

Современные западники высказывают еще более нелепые суждения, ставя нам в пример «цивилизованную» Западную Европу, словно там удалось создать нечто подобное идеальному общественному устройству. Даже не желают знать, за счет каких злодейств, жесточайших войн, уничтожения множества племен и ограбления колоний обрели свои богатства едва ли не все эти страны.

Полагаю, позиции монархистов-почвенников и либералов-западников одинаково ложны. О них приходится упоминать только потому, что такие взгляды в наше время имеют немало сторонников.

Кто в России первым осуществил поистине революционные преобразования? Царь! Поэт-философ Максимилиан Волошин с полным основанием утверждал (поэма «Россия», 1924 год):

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.

Петр I

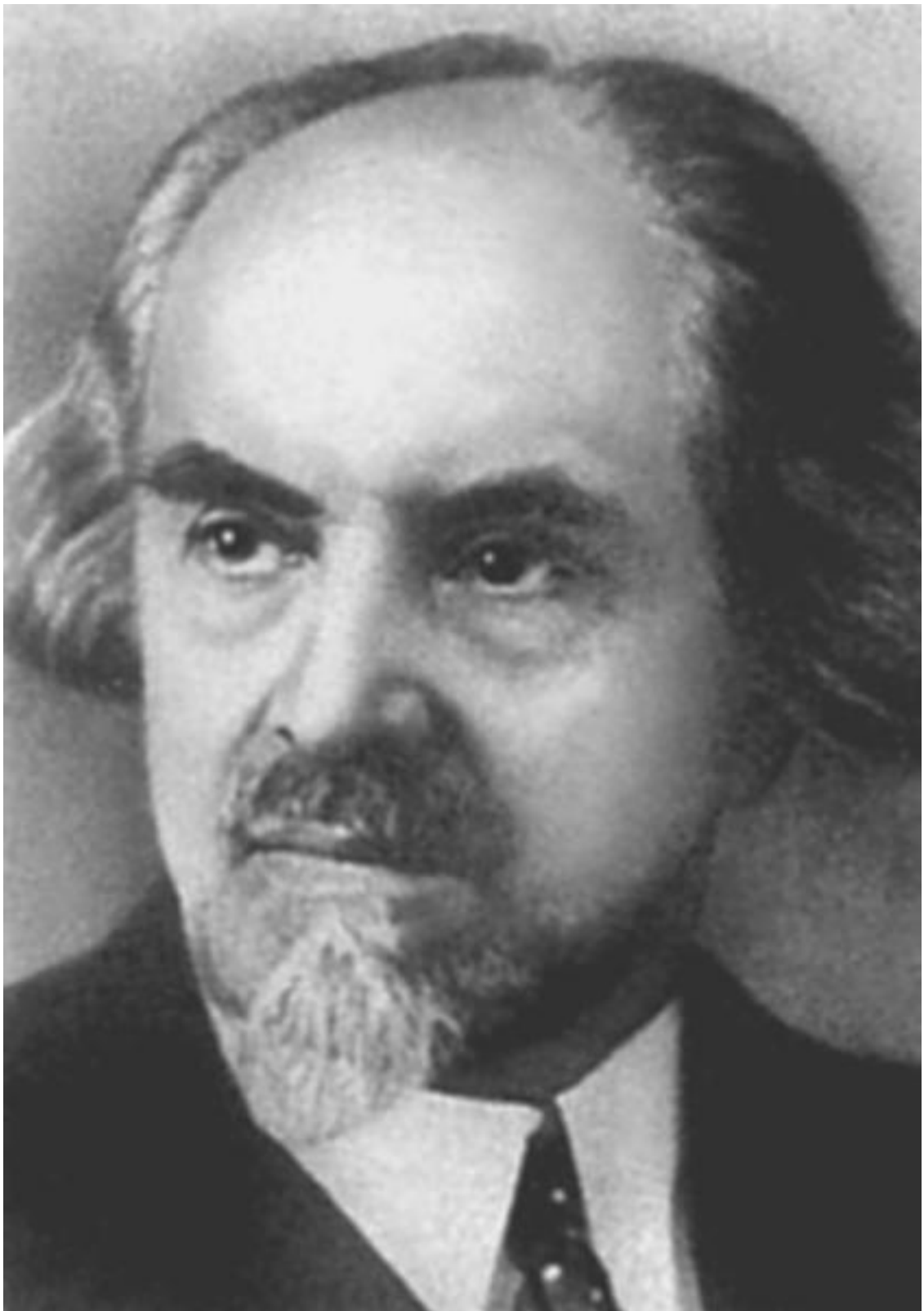
22 года спустя ту же мысль повторил в работе «Русская идея...» один из крупнейших наших мыслителей Николай Бердяев: «В Петре были черты сходства с большевиками. Он и был большевик на троне». Выходит, задолго до декабристов более радикальную «революцию сверху» осуществил сам царь. Не говоря уж о том, что множество русских людей предпочитали барщине буйную вольницу. «Русский народ, – писал Бердяев, – не только был покорен власти, получившей религиозное освящение, но он также породил из своих недр Стеньку Разина, воспетого в народных песнях, и Пугачева. Русские – бегуны и разбойники. И русские – странники, ищущие Божьей правды».

Когда речь заходит о первых тайных, официально запрещенных организациях, то обычно называют масонские ложи. Но в действительности все гораздо сложнее. Вольнодумцев, выступающих против установленных порядков, у нас и прежде было немало.

На Руси в XIV веке, например, была секта «стригольников». Ее идеологов, новгородских дьяков Карпа и Никиту с одним их сподвижником казнили в 1375 году. Они резко критиковали церковных иерархов за отступление от принципов апостольской христианской церкви, отрицали религиозные таинства. Вопреки мнению Григория Богослова, запрещавшего критиковать священников («Овцы, не пасите пастухов»), они утверждали: «Если пастухи взволчатыся, то приходится овцам овец пасти».

Карп и его сторонники на полтора столетия опередили Лютера и протестантов. Выходит, в России раньше, чем в Западной Европе, началось движение за религиозное обновление и очищение церкви от греха стяжательства. Конечно же, в данном случае не было речи о свержении царской власти и преобразовании государства. Однако еще неясно, какие революционные идеи радикальней: относящиеся к духовной сфере или к социальной.

Трудно согласиться с тем, что революционные идеи проникли в Святую Русь с Запада, а первыми содействовали этому масоны. И вряд ли разумно придавать русскому народу какие-то особенные благостные черты. Его великими представителями были Лобачевский, Пушкин, Достоевский, Толстой, Менделеев и многие другие выдающиеся люди, склонные не столько к безропотному послушанию, сколько к творчеству, вольности, дерзаниям ума. А уж бунтарей у нас было предостаточно.

Бердяев Н.А.

Общая идея, которой руководствуются подлинные революционеры, – решительное преобразование действительности в разных ее проявлениях: как в материальной, так и в духовной сферах. Такие люди у нас появились сравнительно поздно.

«Радищева можно считать родоначальником радикальных революционных течений в русской интеллигенции, – считал Бердяев. – Главное у него было не государство, а благо

народа. Судьба его предваряет судьбу революционной интеллигенции: он был приговорен к смертной казни с заменой ссылкой на десять лет в Сибирь. Поистине необыкновенной была восприимчивость и чувствительность русской интеллигенции. Русская мысль всегда будет занята преобразованием действительности».

Соглашаясь с этим, можно возразить: в том-то и дело, что революционность – продукт не народный, а интеллигентский. Его привнесли в Россию те, кто начитался французских вольнодумцев, отчасти по вине которых и произошла кровавая революция в этой стране, а затем и в нашей!

Григорий Богослов

Такое мнение основано на двух недоразумениях. На представлении о революции как проявлении воли кучки заговорщиков и подстрекателей. А также на непонимании того, в каких условиях находилось подавляющее большинство русских крестьян. Ведь они с давних пор восставали против существующих порядков, как бунтари или разбойники.

Никаких последовательных революционных идей крестьяне выработать не могли по простой причине: им приходилось трудиться в поте лица, жить впроголодь и бороться за выживание. Достаточно прочитать труды крупнейших русских писателей, чтобы это понять. Не надо даже обращаться к научным и социально-экономическим исследованиям. Только современные «интеллектуалы» (то есть представители умственного труда), считающие себя почвенниками и весьма далекие от народной жизни, обольщаются слащавыми образами лубочной России с милыми и радостными пейзажами.

С масонами тоже все не так просто, как представляется на первый взгляд или с предвзятых позиций. Это чрезвычайно пестрое и противоречивое интеллектуальное течение, привнесенное с Запада на российскую почву (точнее, в привилегированную среду). Бердяев полагал: «Лучшие русские люди были масонами» (имея в виду середину XVIII – начало XIX веков). Хотя, пожалуй, среди масонских братств немало было далеко не лучших представителей рода человеческого.

Впрочем, революционная ситуация проявилась в России даже раньше, чем во Франции.

Опасные плоды просвещения

Несмотря на то что Петр I был «первый большевик», его решительные революционные по сути преобразования государственной системы исходили «сверху» в рамках традиционной монархии. В отличие от него Екатерина II была склонна к просвещенному абсолютизму, избегала резких перестроек общества, предпочитая эволюционный путь развития. Но именно она, сама того не желая и всячески тому противодействуя, создала народно-революционную ситуацию в России. При ней же распространились в стране тайные общества и революционные идеи.

Екатерина II

Такое утверждение может показаться сомнительным. Принято считать время Петра Великого жестоким, страшным, сотрясавшим весь уклад традиционной «старозаветной» Руси. Недаром в народе распространился слух, будто император Петр I – антихрист.

Царствование Екатерины II мы привычно характеризуем строительством величавой Северной Пальмиры – Санкт-Петербурга, спокойным реформированием российского общества на западноевропейский манер. Ее можно считать едва ли не самым талантливым и образованным государственным деятелем того времени.

Однако не менее просвещенный и более талантливый поэт-мыслитель А.С. Пушкин высказывался резко: «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство... От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство».

Известно, что она вела переписку с французскими просветителями, философами-вольнодумцами. Ее здравый смысл и работоспособность внушают уважение. Дени Дидро предложил ей проект идеального устройства государства Российского. Приняв советы с благодарностью, Екатерина не торопилась их исполнять. Обиженный философ высказал ей свое недоумение. Она резонно отвечала: философ имеет дело с бумагой, которая может все стерпеть, тогда как в ее подчинении живые люди, которые не столь бесчувственны.

Несомненно, она была выдающейся государыней. Оставаясь женщиной, умела демонстрировать лучшие мужские качества, включая мужество. Карамзин был недалек от истины, когда отметил: «Ею смягчилась власть, не утратив силы своей». При ней Россия окончательно укрепилась как великая мировая держава...

Однако именно в ее правление произошло самое крупное в истории России крестьянское (и не только крестьянское) восстание, грозившее свергнуть существовавшую власть. Эта великая смута вошла в историю как пугачевщина. Хотя корни ее уходят глубоко в прошлое и связаны отчасти с особенностями воцарения Екатерины II на престоле.

Она не имела совершенно никаких юридических прав на российский трон. Бедная дочь захудалого немецкого князька, жена императора Петра III сумела отстранить его от власти путем дворцового переворота, опираясь на дворянскую гвардию. Хотя Петр III, издав «Указ о вольности дворянства», освободил представителей этого набравшего силу класса от обязательной воинской службы. Получив такую привилегию, они стали обустривать свои скромные имения. До этого манифеста 1762 года, неся пожизненную воинскую повинность, дворянин не обращал серьезного внимания на свое домашнее хозяйство. Порой дом небогатого помещика мало отличался от деревенской избы.

Побывав за границей, русский дворянин имел возможность убедиться, как роскошно живут привилегированные тамошние сословия (ведь еще не грянула Великая французская революция). И на этот западный манер стали перестраивать свои владения молодые и «свободные» помещики.

Как писала историк Е. Багрова: «У помещиков появляются новые каменные дома, возле них разбиваются парки, устраиваются фонтаны, причудливые гроты, искусственные развалины. Иной чудаков-помещик строит зараз и дом, и оранжереи, и фабрики, и заводы, и ничего не доводит до конца. Дом, красиво убранный внутри, снаружи похож на казарму, сад так и остается не огороженным, но ворота, ведущие в него, причудливой немецкой работы...»

А в столице роскошь все увеличивается. Чтобы быть светским человеком, надо иметь по крайней мере несколько кафтанов с золотым шитьем, бархатную шубу с золотыми кистями, несколько золотых табакерок, осыпанных бриллиантами, золоченую карету, запряженную шестеркой белых лошадей. У графа Орлова парадная одежда, осыпанная бриллиантами, стоила миллион рублей».

Екатерина II, представляя приехавшему в Петербург австрийскому императору Иосифу II своего царедворца графа Строганова, заметила: «Он так крезовски богат, что не придумает средств промотаться».

Польский король Станислав Понятовский, побывавший в гостях у графа Безбородко, не смог сдержать удивления: «Золотая резьба работана в Вене... В обеденной зале уступы парадного буфета уставлены множеством сосудов золотых, серебряных, коралловых и др. Обои чрезвычайно богаты, некоторые из них выписаны, иные сделаны в России. Прекрасная китайская мебель».

Ежедневно у Безбородко накрывали обеденный стол на сто человек. Он проживал в месяц несколько тысяч рублей – огромные по тем временам суммы. Своим любимцам он щедро дарил деревни, которых у него было множество. Заезжей итальянской певице мог сделать подарок в 40 тысяч рублей. Что уж говорить о празднествах, которые устраивались с необычайным великолепием и в которых участвовали тысячи приглашенных!

Откуда на все это брались средства? Практически единственным классом, который обеспечивал подобную роскошь, было крестьянство. И чем богаче становились привилегированные социальные группы, тем более тяжелый гнет ложился на крепостных крестьян.

Екатерина II укрепила финансовое положение государства, изъяв из церковной собственности земли и крестьян, а также отменив гетманство на Украине. Казалось бы, пришла пора отменить крепостное право. На словах императрица была к этому готова. Например, в «Уставе благочестия» (1782 год) она провозглашала приоритет моральных ценностей, основанных на христианских заповедях. Вот ее семь заповедей:

«I. Не чини ближнему, чего сам терпеть не можешь.

II. Не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь.

III. Буде кто ближнему сотворил обиду личную, или в имении, или в добром звании, да удовлетворит по возможности.

IV. В добром помогите друг другу, веи слепого, дай кровлю неимеющему, напой жаждущего.

V. Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему.

VI. Блажен, кто и скот милует, буде и скотина злодея твоего спотыкнется, подыми ее.

VII. С пути сошедшему указывай путь».

Приведя этот перечень, современный российский историк А.Б. Каменский выразил свое умиление: «Как важно, что эти внушения исходили от того, кто для русского человека был олицетворением власти Бога на земле».

Такое лакейское подобиострастие вряд ли было широко распространено в те времена. Во-первых, многие знали, что Екатерина II не по праву заняла место своего супруга, а благодаря дворцовому перевороту. Во-вторых, государственный деятель обязан не провозглашать моральные сентенции, всем и без того известные, а создавать в стране такие условия, чтобы эти заповеди воплощались в жизнь. А то ведь получалось сущее лицемерие. Государыня увещевала даже скотину недруга миловать, сохраняя дичайшее крепостное право.

Большинство дворян вполне устраивало подобное лицемерие. Однако крестьяне были все-таки не безропотными скотами. Они прежде терпели крепостной гнет, зная, что их барин находится на важной и опасной государевой службе. Да и царь представлялся помазанником Божиим, законным правителем страны.

Теперь выходило иначе. Государыня, хотя и благословленная на царство, взошла на трон незаконным путем. А помещик вместо того, чтобы служить царю и Отечеству, занят всяческим благоустройством своего быта и развлечениями. И ради чего терпеть все повинности, тяготы и унижения?

Вряд ли Екатерина II не понимала, что в народе зреет серьезная смута. Об этом свидетельствовали не прекращавшиеся крестьянские бунты. Но даже при всем своем желании она не могла хоть как-то урезать привилегии дворянства. Ведь именно благодаря дворянам она пришла к власти и удерживалась на троне. Их недовольство было бы для нее смерти подобно. А потому просвещенная императрица, которая вела переписку с философами и

провозглашала моральные заповеди, под угрозой жестокого наказания запретила крестьянам жаловаться на своих господ.

Таким образом, смута в России началась задолго до того, как вспыхнуло пугачевское восстание. Уже в начале царствования Екатерины II по стране прокатилась волна бунтов крестьян, казаков, работных людей. В отдельных уездах крестьянские волнения продолжались годами. «На их подавление, – писал советский историк М.Т. Белявский, – правительство двинуло крупные воинские части с артиллерией, предписав им действовать столь же решительно и беспощадно, как и при осаде неприятельских крепостей. Особенно “отличился” при этом генерал князь Вяземский. Он устроил настоящую бомбардировку восставших сел и деревень, расстрелял из пушек фактически безоружных крестьян, а затем провел зверскую экзекуцию над усмирёнными».

Правительство издало ряд указов, подчеркивая, что оно намерено «помещиков в их владениях и имениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать». А в случае «вредного от грубиянства и невежества непослушания крестьян» с ними, «яко с сущими злодеями и нарушителями общего покоя, поступлено будет с таковою же военною строгостью».

Сенату и этих драконовских мер показалось мало. Согласно царскому указу 1763 года, крестьянам предписывалось оплачивать не только расходы на посылку и содержание воинских команд, но и стоимость розг и плетей, которыми их наказывали, веревок, на которых их вешали, пуль и ядер, которыми их расстреливали.

Несмотря на подобные меры, предпринятые государыней-моралисткой, бунты крестьян и рабочих вспыхивали с новой силой. Восстание в Кижях (Карелия) продолжалось с 1769-го по 1771 год. Его жестоко подавили; были убиты около двух тысяч крестьян. Чтобы прекратить волнения рабочих уральских заводов, пришлось послать карательную экспедицию, которую возглавил все тот же А.А. Вяземский.

На Правобережной Украине чуть раньше бунтовали крестьяне и запорожские казаки, захватывая и грабя усадьбы и замки, давая отпор польским войскам. А в 1771 году во время эпидемии чумы восстал московский люд, ведя уличные бои, захватив на три дня Кремль и убив главу Московской церкви архиепископа Амвросия.

Правительство постаралось ограничить вольности яицких казаков (на Урале) и лишить их некоторых привилегий, в частности, беспоплиного соляного промысла и рыбной ловли. В ответ на Яике вспыхнуло восстание казаков, которое подавили с помощью регулярных войск. Тогда же там объявился человек, выдававший себя за спасшегося от убийц императора Петра III. Впрочем, он был не оригинален: по России в ту пору бродили несколько самозванцев.

Яицкие казаки

Появились они, конечно же, не случайно. Официальное сообщение о естественной смерти Петра III восприняли в народе с недоверием. Возродилась мечта о царе, покровителе крестьян, радетеле за их интересы. Прошли слухи о том, что на него совершили покушение дворяне, потому что он пожелал даровать волю крестьянам. Но царю удалось чудом спастись (в одной из деревень отслужили благодарственный молебен о его спасении). Вот почему он вынужден скрываться в народе до поры до времени.

Самозванцев правительство вылавливало и казнило, но это не могло искоренить легенду о добром царе. Настали смутные времена, когда народ, подавленный угнетателями, разуверился в верховной власти. Кризис доверия народа к власти – один из важных симптомов серьезной смуты.

Крестьянская революция

Революционную тайную организацию, стремившуюся свергнуть официальную власть, едва ли не первым на Руси создал донской казак Емельян Пугачев. Он участвовал в Семилетней и первой русско-турецкой войнах, заслужив за храбрость и смекалку младший офицерский чин хорунжего. Не желая принимать участия в карательных операциях, он ударился в «бега», скрывался в раскольничьем ските в районе Гомеля. (В смутное время «перестройки» была высказана версия: заговор Пугачева стал результатом происков... иноземных спецслужб! Как будто издавна в Россию революционные идеи внедряли с Запада, а народ русский при царях жил в блаженстве и довольстве.)

Осенью 1772 года Пугачев перебрался на Яик, где еще продолжались волнения казаков. Осмотревшись, он по секрету «признался» одному казаку, будто является царем Петром Федоровичем, предложив собрать верных людей, пойти на Москву и свергнуть самозванку Екатерину. Вокруг него постепенно собирались казаки, не довольные притеснениями властей.

Пугачев Е.И.

Вскоре о появлении мнимого царя узнало местное начальство. Пугачева схватили и посадили в тюрьму, откуда ему удалось бежать. Теперь ничего не оставалось, как открыто заявить о своих правах на российский трон. Он пообещал казакам восстановить их старинные порядки и предоставить дополнительные льготы.

Власти поспешили сообщить, что он – самозванец, донской казак. Ближайшие соратники Пугачева вряд ли сомневались в этом. Но если нет законного государя, а на троне утвердилось немка, то почему бы не поставить вместо нее русского казака?

В отличие от Разина, не поднявшегося в своей деятельности выше казацких анархических стереотипов, Пугачев понимал важность социальной организации: попытался даже создать государственный аппарат восставших и придавал большое значение агитации и пропаганде. Он решительней, чем Разин, выступал против бесцельного разрушения и постарался, хотя и безуспешно, наладить военное производство на уральских заводах.

Емельян Пугачев проявил себя хорошим организатором, и в его окружении было немало талантливых людей. Среди них выделялся Падуров – один из депутатов от казачества в «Уложенной комиссии», созданной в Москве Екатериной II для либерального прикрытия своей крепостнической политики. Там Падуров ознакомился с идеями французских просветителей, что отразилось в наказе от казачества, в составлении которого он принимал участие.

Как обычно бывает при стихийных народных восстаниях, разрушительные действия удаются гораздо лучше и радикальней, чем созидательные. Ненависть рабочих к каторжному заводскому труду была так велика, что они в большинстве случаев громили все заводское хозяйство.

Пугачевское восстание в отличие от разинского быстро приобрело ярко выраженный крестьянский характер. По мере того как оно охватывало новые районы, роль яицких казаков сокращалась. Многие из них не захотели оставлять свои земли (только в пугачевском руководстве они оставались в большинстве).

Была у пугачевщины еще одна важная отличительная черта: в восстании участвовали почти все сословия (работные люди, горожане, духовенство), а также представители разных национальностей – башкиры, киргизы, черемисы. Старообрядцев он привлек тем, что обещал пожаловать «древним крестом и бородой». Но больше всего благ обещал он в манифесте сентября 1773 года казакам, жалую их «рякою с вершины и до уся, и землю, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом и порохам и хлебным провизиям».

Пугачев стал народным вождем, революционером, предводителем крестьянского восстания. Он был, конечно же, не революционером в полном смысле слова, а, как выразился И.В. Сталин, – «царистом». Но в тогдашней России иначе и не могло быть. Однако главный пункт его политической программы с полным основанием можно считать революционным: целью своей он провозглашал уничтожение дворянства как класса.

В манифесте, составленном после взятия Саратова летом 1774 года, Пугачев провозглашал: «Я – ваш законный Император. Жена моя увлеклась в сторону дворян, и Я поклялся Богом истребить их всех до единого. Они склонили ее, чтобы всех вас отдать им в рабство, но Я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убийц, но Бог меня спас».

Он стремился не только захватить власть в стране, но и изменить социальную структуру. Хотя, конечно же, в то же время признавал незыблемость царского самодержавия. По его мысли, царь должен был выражать интересы не дворянского меньшинства, а крестьянского большинства.

Согласно этим представлениям, система правления в России предполагалась монархической по форме и анархической по содержанию. Об этом можно судить по его манифесту от 31 июля 1774 года, где говорилось:

«Сим именным указом с монаршим и отеческим Нашим милосердием, всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короны и награждаем древним крестом и молитвою, и головами и бородами, вольностью и свободой, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владения землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброку».

Каким образом все это можно организовать, он не указывал, зато провозглашал метод революционного террора по отношению к дворянам, с которыми надо поступать так же, как они поступали с крепостными: ловить, казнить и вешать. После чего в стране воцарятся мир и покой, «кои до века и продолжаться будут».

Уральский комендант приводит Пугачева к Суворову

Проще всего оказалось организовать «революционный террор» и разорять, грабить и разрушать помещичьи усадьбы, крушить фабрично-заводское хозяйство. Народная стихия в этом отношении подобна природной. Надо только иметь в виду, что и противная сторона, дворянство, не менее жестоким образом расправлялась с восставшими крестьянами, а крепостной гнет, на котором держалось их благосостояние, был подлинным и часто беспроектным рабством.

По словам А.С. Пушкина, произошел «мятеж, начатый горсткой непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов». Но кое в чем можно не согласиться и с Александром Сергеевичем. Распространение казацкого мятежа и превращение его в народное крестьянское восстание зависели не от нерадения местного начальства, а от его беспомощности перед лицом массового движения. Это была, можно сказать, гражданская война.

Она оказала заметное влияние не только на русскую, но и на европейскую, а отчасти и на мировую историю. Ведь одновременно с этим восстанием боролись за свою независимость североамериканские колонии Англии, создавшие свое государство. Считается, что победе американской революции способствовали тогдашние враги Лондона – Франция и Испания. Но вряд ли устояла бы американская держава, если бы Екатерина II исполнила просьбу английского короля, оказав ему помощь русскими войсками.

В то время эти войска передислоцировались с фронта окончившейся русско-турецкой войны во внутренние области России для подавления пугачевского восстания. По-видимому, только по этой причине Екатерина II отклонила просьбу английского короля. Ей приходилось сражаться за сохранение собственного государства.

Североамериканские повстанцы остались победителями. А русским бунтарям была уготована страшная доля. Сжигались деревни, виселицы на плотах плыли по Яику и Волге, на Болотной площади в Москве торжественно казнили Пугачева.

Когда парижские бунтари полтора десятилетия спустя взяли Бастилию, перед русской императрицей вновь встала тень донского казака, поднявшего пол-России на грозное восстание. Она не решилась послать русскую армию к границам революционной Франции. По тем временам это была лучшая армия Европы, и она могла справиться с восставшими. Была

бы задушена в зародыше Французская революция, про которую Ленин сказал, что весь XIX век был ее продолжением.

Вспоминая восстание Пугачева, нередко приводят пушкинское: «Не приведи Господь видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Из этого обычно делают вывод, будто в отличие от всех прочих русский бунт особенно ужасный, словно гуманнее, «цивилизованней» были бунты в Англии, Франции, Германии...

Любая природная стихия бессмысленна (бессознательна) и беспощадна. Народные восстания вызваны всегда гневом и возмущением, а вовсе не какими-то идейными кабинетными соображениями. Здесь эмоции всегда преобладают над рассудком. В такие моменты не только народные массы, но и отдельные личности, порой образованные и в других случаях гуманные, «теряют голову» (одни в переносном смысле, а другие – в прямом).

Есть основания считать пугачевское восстание революционным выступлением, предполагавшим установление «народной монархии» без привилегированных классов (своеобразное монархо-анархическое государство). Началась эта революция с тайного заговора казака, выдавшего себя за чудом спасшегося царя. Неудивительно, что после такого события любые тайные общества, возникающие без ведома высокого начальства, стали считаться особенно опасными. Первой начала борьбу с ними Екатерина II.

Закрепощенное сознание

Вряд ли было случайным совпадение пугачевского восстания по времени с Великой французской революцией, грянувшей в 1789 году. Для истории расхождение в полтора десятилетия незначительно. В обеих странах существовала просвещенная монархия, а основанием для восстаний послужили народные волнения.

В России с казнью Пугачева восстание не прекратилось. Как писал А.С. Пушкин: «Совершенное спокойствие долго еще не воцарялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмирённых губерниях, утверждая в них ослабленное правление... и искореняя последние отрасли пресечённого бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение и повелено все дело предать вечному забвению. Екатерина, желая искоренить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские... Но имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую – так выразительно – прозвал он пугачевщиною».

Неудивительно, что «замирения» народа с правящим классом не состоялось. Никаких принципиальных изменений к лучшему не произошло. Простой русский народ оказался в положении побеждённого, покорённого, вынужденного смириться со своим унижительным положением.

Это в конце XX века хитрые политики и журналисты, а также наивные или обманутые «патриоты» и странные монархисты, неведь какую монархию представляющие, вдруг дружно стали рисовать идиллические картинки жизни народа в царской России. Вроде бы тогда всем на Руси было жить хорошо. (Видно, постарались забыть поэму Н.А. Некрасова, между прочим – барина!)

Конечно, в хлебобродные годы да у хорошего помещика крестьянам жилось действительно не худо. Только и всего. В остальном их положение было незавидным. Иначе не бунтовали бы они, не шли на смертный бой против регулярных войск, как это было во время пугачевского восстания (обратим внимание на то, что Пушкин счел назвать «ужасной эпохой» восстание, длившееся сравнительно недолго).

Уже после того, как страсти, казалось бы, улеглись, дворянин А.Н. Радищев правдиво описал свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Он побывал в тех краях, которые не восстали. Почему? От хорошей жизни? Вот характерный разговор Радищева с безымянным пахарем, который есть смысл привести целиком.

«— Бог в помощь, — сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, заканчивал начатую борозду...

— Спасибо, барин, — говорил мне пахарь, отряхивая сошник и перенося соху на новую борозду.

— Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

— Нет, барин, я прямым крестом крещусь, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А Бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

— Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще в самый жар?

— В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину да под вечер возим оставшееся в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для прогулки, ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай Бог, — крестясь, — чтоб под вечер сего дня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у Господа молят.

— У меня, мой друг, мужиков нет, и оттого никто меня не клянёт. Велика ли у тебя семья?

- Три сына и три дочери. Первенькому-то десятый годок.
- Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?
- Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и спору.
- Так ли ты работаешь на господина своего?
- Нет, барин, грешно было бы так же работать. У него на пашне – сто рук для одного рта, а у меня две – для семи ртов».

Не удивительно, что Радищев, обращаясь к помещикам, восклицал: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, – воздух. Да, один воздух».

Правда, порой чаша терпения крестьян переполнялась. И тогда они могли при случае даже убить своего мучителя и кровопийцу помещика. В XIX веке российская статистика в этом пункте была фальшивой: не учитывалось, сколько помещиков погибали от рук своих крепостных (в официальных сводках обычно в таких случаях констатировали смерть от апоплексического удара). Наказать конкретных виновников чаще всего не было возможности, потому что у крестьян практиковалась круговая порука.

Спору нет, со временем суровость крепостных порядков не увеличивалась, а уменьшалась, а там и произошла «революция сверху»: отмена Александром II крепостного права. Впрочем, революцией называть такой шаг можно только для красного словца, ибо государственный строй и соотношение социальных групп в результате не изменились.

Но если велико было внутреннее возмущение крепостных и рабочих людей своим бесправным положением, то почему же не превратилось пугачевское восстание в полноценную революцию, подобно тому, что произошло во Франции? Там ведь тоже все начиналось со смуты, огромного числа нищих и обездоленных, отдельных бунтов.

Советская историософия давала этому такое объяснение. «Трагедией восставшего крестьянства было то, – писал М.Т. Белявский, – что, поднявшись на борьбу, героически сражаясь со своими угнетателями, оно не могло противопоставить самодержавно-крепостническому строю новый общественный строй. Восстание, несмотря на размах, как и прежние выступления народных масс, было стихийным – восставшие не имели ясной политической программы борьбы и могли лишь противопоставить “плохой дворянской царице” Екатерине II “хорошего”, “доброго” царя».

Такое объяснение трудно считать убедительным. Как мы видели на примере некоторых указов Пугачева, у него достаточно ясно очерчивалась политическая программа установления монархически-анархического государства. По тем временам, учитывая особенности общественного сознания, это была вполне разумная и реалистическая идея. Поставить во главе государства «крестьянского царя» – разве этого мало?

Для России того времени это была, можно сказать, программа-максимум. Кстати, и французы не выступали за коммунистические идеалы. Лозунг «Свобода, равенство, братство» вполне подходил не только для масонских лож и французских революционеров, но и для русских мужиков, которые пошли за Емельяном Ивановичем Пугачевым. То, что у них, мужиков, такие слова не были в обиходе, ничего принципиально не меняет. Русский вариант можно сформулировать так: «Воля, Справедливость, Братство». Суть остается все той же.

Во Франции большинству крестьян жилось не лучше, чем в России (и это несмотря на то что там природные условия несравненно благоприятнее для сельского хозяйства, чем у нас). Вот что писал об этом П.А. Кропоткин в книге «Великая французская революция»:

«Бедственное положение громадного большинства французского крестьянства было, несомненно, ужасно. Оно, не переставая, ухудшалось с самого начала царствования Людовика XIV, по мере того, как росли государственные расходы, а роскошь помещиков принимала утонченный и сумасбродный характер, на который ясно указывают некоторые мему-

ары того времени. Особенно невыносимыми делались требования помещиков оттого, что значительная часть аристократии была, в сущности, разорена, а потому старалась выжать из крестьян как можно больше дохода...

Через посредство своих управляющих дворяне обращались с крестьянами с суровостью настоящих ростовщиков. Обеднение дворянства превратило дворян в их отношениях с бывшими крепостными в настоящих буржуа, жадных до денег, но вместе с тем не способных найти какие-нибудь другие источники дохода, кроме эксплуатации старых привилегий – остатков феодальной эпохи...

Крестьянские массы разорялись. С каждым годом их существование становилось все более и более неустойчивым; малейшая засуха вела к недороду и голоду. Но рядом с этим создавался – особенно там, где раздробление дворянских имений шло быстрее, – новый класс отдельных зажиточных крестьян... В деревнях появились деревенские буржуа, крестьяне побогаче, и именно они перед революцией стали первые протестовать против феодальных платежей и требовать их уничтожения... Накануне революции именно благодаря им, крестьянам, занимавшим видное положение в деревне, надежда стала проникать в села и стал назревать бунтарский дух... И нужно сказать, что если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции».

Приведена эта большая цитата потому, что Петр Алексеевич, заставший крепостное время в России, писал, одновременно имея в виду не только Францию, но и свое Отечество. Хотя к началу XIX века не образовалась еще в России значительная прослойка «кулаков», деревенских аналогов буржуа, а так называемый третий класс и пролетариат находились если не в зачаточном, то в младенческом состоянии.

С XVI века во всех развитых государствах значительный удельный вес обрели горожане, а их роль в управлении страной и государственными переворотами становилась решающей. Недаром такое символическое значение обрел факт захвата в Париже Бастилии.

За Пугачева была крестьянская, фабрично-заводская, городская беднота – массы, не имевшие единого идейного стержня и сколько-нибудь определенной организованности. Была бушующая стихия, но отсутствовала целеустремленная направленность на революционный переворот, который можно свершить только там, где находится правительство. Требуется кинжальный удар в центр управления страной, чтобы парализовать действие государственной машины, точнее сказать, органов управления государством.

Подобной возможности у пугачевского восстания не было. Вот если бы восстание декабристов 1825 года совпало по времени с народными волнениями типа пугачевщины, тогда еще могло бы свершиться нечто подобное Великой французской революции. Государственный переворот должен происходить на фоне большой смуты, только в таком случае он станет революционным.

Смятение умов

Для буржуазной революции необходима достаточно крепкая и претендующая на власть буржуазия; для пролетарской революции требуется как минимум немалое количество пролетариев. А вот крестьянские революции, несмотря на огромное количество земледельцев и скотоводов во всех странах (во всяком случае, до XX века), так и не свершились. Постоянно вспыхивали крестьянские восстания и бунты, переходящие порой в крестьянские войны. Но последний шаг – к победоносной крестьянской революции – так и не был сделан.

Пример Франции в этом отношении красноречив. Ведь уже «блестящее» царствование Людовика XIV привело к тому, что начались бунты, которые продолжались практически во все время правления следующего Людовика и особенно обострились после неурожайного 1774 года. Позже, при улучшении урожаев, волнения пошли на спад, но не прекратились. Так что смута продолжалась достаточно долго и Великая революция стала, по существу, ее переходом на новый уровень. Без этих бунтов она бы не свершилась. Но и без государственного переворота, который произошел в Париже, волнения народа были бы в конце концов подавлены если не силой оружия, то благодаря либеральным реформам.

Когда в России в середине XIX века стала назревать революционная ситуация, царское правительство сумело ее преодолеть без серьезных социальных потрясений, путем реформ. Эта мера помогла избежать крупных народных волнений, но революционные идеи проникали в российское общество не снизу, а сверху, из среды наиболее просвещенных граждан. Дело тут не столько в тех или иных политических группировках и партиях, а в том, что не народ, а именно наиболее просвещенные граждане в большинстве своем были настроены против самодержавия. Одни мечтали его ограничить парламентом, другие выступали за парламентскую республику, третьи – за полное свержение существующего государственного строя.

В этих условиях едва ли не самыми консервативными социальными слоями были, помимо небольшой правящей прослойки, крестьяне. Революционные идеи находили отклик в умах наиболее образованных рабочих.

В своих замечательных «Записках революционера» П.А. Кропоткин свидетельствовал, что ему приходилось с большой опаской подводить сезонных рабочих, среди которых он вел народническую пропаганду, к мысли о возможности свержения царской власти. Приходилось делать упор главным образом на просветительские беседы, одновременно переходя на социальные темы. Среди квалифицированных заводских рабочих делать этого не требовалось, потому что они неплохо разбирались в политэкономии и революционных идеях.

Как о типичном эпизоде Кропоткин рассказал о случае с народником Сергеем Кравчинским. Он и его товарищ, идя по дороге, попытались завести с нагнавшим их мужиком на дровнях разговор о тяжких податях, произволе чиновников и необходимости бунта. Мужик стал погонять лошаденку, агитаторы поспешили за ним, продолжая толковать о податях и бунтах, пока мужик не стал стегать лошадь, чтобы она вскачь умчала его от народников.

Кстати сказать, и Кропоткина выдал жандармам кто-то из рабочих-ткачей, среди которых он вел пропаганду. Никаких решительных выступлений рабочего класса таким путем добиться не удалось.

Еще один вид деятельности революционеров – террористические акты – тоже оказался бесполезным. Идеологи таких акций (хотя и не всегда – исполнители) понимали: таким образом невозможно запугать, а тем более свергнуть существующий строй. Однако можно было добиться ответных репрессивных действий правительства, ужесточения режима, а значит, и более благоприятной революционной ситуации.

Ужесточения режима они добились после убийства Александра II и смещения в результате «бархатного диктатора» Лорис-Меликова, относительного либерала. Но революционная ситуация от этого не возникла. Потому что никакой смуты тогда в России не было: страна была стабильной и развивающейся.

...В 1924 году талантливый человек и большой фантазер А.Л. Чижевский издал книгу «Физические факторы исторического прогресса», в которой попытался доказать, что революционные и другие социальные возмущения возникают в периоды повышения солнечной активности. Для России такое совпадение пришлось на 1905 и 1917 годы, причем в первом случае число солнечных пятен было меньше, чем во втором, в соответствии с интенсивностью революционных потрясений.

Некоторые интеллектуалы и сейчас верят в подобную зависимость социальных катастроф от активности Солнца или «парада планет» (когда они выстраиваются примерно в одной плоскости). Как писал Чижевский:

И вновь, и вновь взошли на Солнце пятна
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы...
И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас – буйствовал народ,
А над землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход...

Однако в действительности еще более мощные, чем в 1917 году, вспышки солнечной активности были в 1780, 1789, 1837, 1847, 1870 годах. Но почему-то в эти годы никакой революции в России не произошло. Да и самая большая всеобщая «смута» начала XX века приходится, пожалуй, на 1914 год, когда вспыхнула Первая мировая война. Без нее не только европейская, но и мировая история сложилась бы иначе. И неизвестно, что произошло бы тогда с нашей страной.

Не космические факторы, а состояние общества, смута и на ее фоне государственный переворот являются обязательными признаками подлинной революции. Но смутное время не наступает само собой, подобно очередному времени года. Оно имеет немалую предысторию, подготовительный, скрытный (инкубационный) период.

В любом обществе, государстве со временем вырабатываются «противоядия», препятствующие наступлению смуты. Это прежде всего – традиции, внедренные в сознание масс установки на стабильное существование, на утверждение законности и блага именно существующего общественного устройства. Об этом феномене следует поговорить особо.

Пошатнувшаяся установка

В индивидуальной психологии есть понятие *установки*. Это нечто подобное эмоциональной предрасположенности, предвзятости, готовности к определенным реакциям в соответствующих обстоятельствах. Такая реакция вырабатывается в результате опыта, воспитания, образования, полученных знаний, под влиянием внешней среды или неосознанных внутренних психических процессов.

В простейшем и наглядном виде установку внедряют животным при дрессировке, и они ее выполняют в нужный момент по запрограммированному сигналу. Можно вспомнить также эксперименты, проводимые И.П. Павловым на собаках.

Человек способен выработать установку самостоятельно и вполне сознательно. Однако в дальнейшем она может закрепиться на более глубоком подсознательном уровне и проявляться вне зависимости от рассудка. Для этого она должна периодически подкрепляться. Так действуют, например, влюбленные, которые преподносят предмету своей страсти подарки и говорят комплименты. При постоянном повторении такого рефлекса (появление данного человека – подарок – удовольствие от подарка) через некоторый срок предмет любви может испытывать удовольствие уже при встрече с данным субъектом. Возможно, такой способ ухаживания, увенчанный успехом, породил известную поговорку: «Любовь зла, полюбишь и козла».

Шутки шутками, а в политической жизни установка играет немалую роль. Например, когда после Великой Отечественной войны снижались цены (а до нее – увеличивалось благосостояние советского народа), это серьезно укрепляло авторитет Сталина и установку на признание его великим вождем и отцом народа. Дело тут не просто в задабривании населения, а в подтверждении верности взятого им политического курса, в реальности и честности его обещаний.

Правда, со времен горбачевской «перестройки» в общественное сознание стали вколачивать мысль, будто замечательные успехи советского народа в труде и в боях объясняются... животным страхом сталинских репрессий, что «стройки коммунизма» возводили главным образом заключенные, а в атаки против гитлеровцев шли либо штрафные батальоны, либо подневольные бойцы, подгоняемые сзади заградительными отрядами.

Увы, подобные бредовые для здравого ума идеи не только пропагандировались, но и находили благоприятную почву в умах немалого числа служащих, интеллигентов. Им даже не приходило в голову, что число работавших заключенных составляло ничтожную долю от числа всех трудящихся (один-два человека на сотню), «штрафников» – еще в десять или сто раз меньше. Но главное, пожалуй, другое.

В нашей стране появилось немало граждан, которым трудно было поверить, что возможен подлинный трудовой энтузиазм, а также подлинный героизм в войне. Это скептики, циники, приспособленцы и лицемеры, не способные не только на героические, но и просто на достойные поступки. Опошление героического прошлого, да еще своего собственного народа, своих действительно героических недавних, а отчасти еще живущих предков – показатель глубокой духовной эрозии, нравственной деградации. У такого народа не может быть достойного будущего.

Увы, такую установку вырабатывали долго и упорно внешние и внутренние враги СССР. И когда Хрущев выступил с докладом, ниспровергающим культ Сталина, это был удар колоссальной силы по сложившейся идеологии. В данном случае совершенно не важно, насколько справедливы или несправедливы были обвинения Хрущева в адрес недавнего вождя, которому он сам пел дифирамбы. Не имеет существенного значения и то, в какой степени был оправдан культ личности Сталина. Важно, что восхищение вождем и доверие

к нему культивировались годами и подтверждались замечательными достижениями страны, а затем еще победой в Великой Отечественной войне. Это было чувство, укоренившееся в подсознании миллионов граждан как четкая установка. Она в значительной степени содействовала единению людей и признанию коммунистической идеологии в массах.

Эта установка основательно пошатнулась после выступления Хрущева на XX съезде партии. С этого времени начался идейный разброд. А все приспособленцы и лицемеры, вступившие в партию из-за карьерных соображений, получили подкрепление своим самым низким устремлениям и оправдание подлости своей и лжи.

В общественной жизни феномен коллективного подсознания играет существенную, порой решающую роль. Комплекс установок обеспечивает общественную стабильность. Крушение установки – подрывает ее, содействует наступлению смутного времени разброда и шатаний.

Для России конца XIX века такой устойчивой официальной идеологической установкой продолжала быть триада: «Самодержавие, Православие, Народность». Ее укоренению содействовали экономические успехи страны в конце XIX века, во время правления Александра III. Индустриализация, расширение сети железных дорог, оживление торговли, а еще раньше, при Александре II, отмена крепостного права – все это подтверждало истинность идеологической установки. Безусловно, немалое количество демократически настроенных граждан стремились свергнуть или ограничить конституцией самодержавие; о революционерах и говорить нечего.

В народе было иначе. Самодержавие было освящено не только вековой традицией, но и авторитетом Православной церкви. К тому же русскому мужику, в массе своей необразованному и задавленному насущным нелегким трудом, было не до политических проблем – прокормить бы семью.

Правда, последнее десятилетие XIX века было омрачено страшным голодом в 1891 и 1892 годах. Затем началась эпидемия холеры в Поволжье и Прикаспии, сопровождавшаяся бунтами: расползся слух, будто врачи и фельдшеры специально морят народ по приказу высшего начальства. Но и при этом вера в царя сохранялась.

Александр III умер в 1894 году. На престол вступил его сын Николай II. В связи с этим земские деятели передали ему письмо, где, помимо изъявления верноподданнических чувств, высказывалась надежда на то, что будет предоставлено больше свободы печати, возможности «для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребности и мысли не одних только представителей администрации, но и народа русского».

Представители земства в отличие от царских чиновников были более или менее близки к народу. Например, во время голода они организовывали столовые для голодающих и санитарные пункты. Земцы понимали: обязанность царя – служить русскому народу (они так ему и написали), для чего необходимо лучше знать заботы, нужды, надежды простого люда.

Однако 19 января 1895 года на торжественном приеме Николай II дал суровую отповедь тем, кто надеялся на более тесное сближение самодержавия с народом и низшим дворянством, разночинцами, мелкими служащими, интеллигенцией. Он сказал:

«Мне известно, что в последнее время слышались голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я... буду охранять начало самодержавия так же твердо, как мой незабвенный покойный родитель».

Эти слова разочаровали многих из тех образованных и влиятельных людей, которые желали «косметических» изменений государственной системы главным образом для ослабления внутренних противоречий во избежание революции.

Впрочем, к этой теме мы еще вернемся. А сейчас отметим, что в XIX веке наиболее радикально настроенными по отношению к существующей власти были сначала, в основном, представители дворянства, затем преимущественно разночинцы и лишь в конце столетия – представители рабочего класса. «Народ безмолвствовал», как писал А.С. Пушкин в «Борисе Годунове» (если учесть, что более 80 % жителей России были крестьянами).

Декабристы. Надклассовые корни революций

Их называют первыми русскими революционерами. В одних случаях это звучит как восторженная похвала, в других – как суровое порицание. Одни авторы изображают их как героев, подвижников, беззаветных борцов за свободу, равенство и братство; другие – как злодеев, покушавшихся на цареубийство и целостность Российской империи.

Олег Платонов в книге «Терновый венец России. История масонства. 1731–1995» сделал вывод: «Масонский заговор, получивший название декабристского, представлял собой серьезную угрозу для существования тысячелетнего русского государства... Социальной опорой декабризма служила некоторая часть правящего слоя и интеллигенции России, лишенная национального сознания и готовая пойти на погром национальных основ, традиций и идеалов». (Надо только уточнить, что в ту пору интеллигенции в России фактически не было.)

После Февральской буржуазной революции 1917 года, а особенно при советской власти декабристы были прославлены безоговорочно. Но и значительно раньше, еще со времен Александра Пушкина, отзывы о них были преимущественно восхищенные. Наш величайший поэт в стихотворении «Во глубине сибирских руд...» обратился к ним с оптимистической надеждой:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Однако, как бы ни относиться к декабристам, причислять их к революционерам допустимо с определенными оговорками. По сути, они оставались «царистами», используя для своих целей соответствующий момент: передачу престола от «законного» наследника (великого князя Константина Павловича) к его младшему брату Николаю.

...О декабристах написано так много и по большей части основательно, что мы не станем вдаваться в детали этой темы. Отметим, что это были преимущественно офицеры, участвовавшие в войне против Наполеона. П.И. Пестель имел награды и золотую шпагу за храбрость. По признаниям многих участников этого движения, они восставали прежде всего против крепостного права. П.И. Борисов писал: «Несправедливости, насилия и угнетения помещиков, их крестьянам учиняемые, укрепили в моем уме революционные мысли».

И все-таки вряд ли кто-нибудь из них стал бы рисковать своей жизнью ради освобождения крестьян. Тем более что даже наивный человек отдавал себе отчет, насколько сложное и небыстрое мероприятие – упразднение крепостного права. По-видимому, к движению декабристов присоединялись дворяне по разным причинам: от самых благородных, возбужденных призывами Великой французской революции к свободе, равенству и братству, а также вдохновленной «Марсельезой», до стремления к славе и власти, склонности к авантюрам. Вдобавок революционные идеи, можно сказать, вошли в моду. По словам Пестеля: «Нынешний век ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и Америка. Дух преобразования заставляет... везде умы клекотать».

В феврале 1816 года возникло первое тайное общество молодых гвардейских офицеров – «Союз спасения». Инициаторами были братья С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы, А.Н. и Н.М. Муравьевы, И.Д. Якушкин, С.П. Трубецкой. В конце года к ним примкнул Пестель.

Под его влиянием общество обрело более определенный устав и стало называться «Обществом истинных и верных сынов Отечества». Прием в него был ограниченным: только из среды офицеров гвардии и Генерального штаба (то есть наиболее образованные и независимые). Предполагалось в момент передачи власти новому царю отказаться ему присягать, если он не провозгласит конституционное правление.

Тем временем произошла кровавая расправа над крестьянами Новгородской губернии, бунтовавшими из-за перевода их в аракчеевские военные поселения. Были волнения в воинских частях. Распространился слух: Александр I секретно обсуждает проект дарования Польше конституции и присоединения к ней некоторых русских земель (что и произошло). При таких обстоятельствах у некоторых членов тайного общества возникла мысль совершить цареубийство и дворцовый переворот. Застрелить царя был готов И.Д. Якушкин.

По мнению Олега Платонова, от этой затеи пришлось отказаться якобы из-за того, что стрелявший наверняка будет убит. В действительности Якушкин предполагал, убив царя, тут же застрелиться. На это у него были причины сугубо личные. Он и без того не раз хотел совершить самоубийство из-за несчастной любви. Так что отказались декабристы от цареубийства главным образом потому, что многие из них не были сторонниками столь радикальных и жестоких мер. Да и результаты их виделись неутешительными.

Кстати, как позже вспоминал Н.М. Муравьев: «Через несколько лет после этого Якушкин преодолел страсть свою, женился на другой особе, оставил общество совершенно и ведет жизнь самую уединенную в деревне, занимаясь своим семейством и хозяйством». (Как видим, пламенные революционные порывы могут определяться и обстоятельствами сугубо личными, даже несчастной любовью.)

В январе 1818 года в Москве на основе ликвидированного «Союза спасения» создали «Союз благоденствия». Уже само название показывало некоторую смену идеологической установки. Теперь предполагалось выработать основательную программу действий и желаемых результатов, а также влиять на формирование общественного мнения, подготавливая грядущие преобразования.

Для этих целей был расширен состав членов общества до двухсот человек. Всем им предписывалось – что вообще характерно для масонских лож – прилагать усилия для того, чтобы занимать ответственные посты в правительственных учреждениях, участвовать в благотворительных и просветительских мероприятиях, создавать литературные кружки и т. п. Все это было возможным еще и потому, что большинство будущих декабристов состояли в масонских ложах. По такой же причине эти люди были приучены к конспирации. Их революционная организация тоже выстраивалась по канонам масонства. Так, «Союз спасения» предполагал три степени «посвящения»: братия, мужи и бояре. При вступлении и при переходе на новую ступень давали торжественные клятвы.

В «Союзе благоденствия» определились две основные группы: умеренных, ориентированных только на пропаганду, и радикальных, убежденных республиканцев и сторонников революционных действий. Последних возглавлял Пестель (он был столь яростным противником самодержавия, что предлагал казнить всю царскую семью). Для тайной организации такое разногласие было опасным. В январе 1821 года «Союз благоденствия» был распущен. На его основе возникло два взаимосвязанных общества: «Северное» в Петербурге и «Южное» на Украине. Первое возглавлял Н.М. Муравьев, а второе П.И. Пестель. Они составили две программы революционных преобразований: Муравьев – «Конституцию», Пестель – «Русскую правду» (см. Приложение).

Александр I на смертном одре

19 ноября в Таганроге неожиданно скончался император Александр I. Следующим царем должен был стать великий князь Константин Павлович. Ему присягнули войска. Однако он не мог иметь законных наследников, так как был не в официальном династическом, а в мorganатическом браке. Поэтому отрекся от престола. Но его отречение запоздало. Требовалась новая присяга – Николаю Павловичу. Можно сказать, на недолгий срок наступило смутное время «бесцарствия». Этим поспешили воспользоваться декабристы.

Великий князь Константин Павлович

Они наметили неплохой план действий. Выбрали диктатором восстания гвардии полковника князя Трубецкого. Написали Манифест к русскому народу, провозглашая демократические свободы и учреждение Временного революционного правительства. Рано утром 14 декабря предполагалось блокировать сенат, потребовать от сенаторов отказа от присяги Николаю, низложить правительство, арестовать царскую семью. Затем созвать Великий

соброр (Учредительное собрание), который должен принимать дальнейшие государственные решения.

Как известно, их предприятие не удалось по нескольким причинам. Трубецкой струсил и не явился на Сенатскую площадь. Восставшие войска вынуждены были занимать выжидательную позицию, тогда как требовались активные действия. Каховский не решился стать цареубийцей. Якубович отказался вести восставших на захват Зимнего дворца. Выяснилось, что сенаторы уже присягнули Николаю I... И хотя к восставшим подошло подкрепление и общее их число достигло трех тысяч, хотя их морально поддерживали тысячи собравшихся горожан, инициатива уже перешла к войскам, верным царю. Их было значительно больше восставших, и у них была артиллерия. Залпами картечи они рассеяли противника. Погибли около 1300 человек, преимущественно, по данным Министерства юстиции, «черни».

Было бы интересно смоделировать события в России при условии осуществления планов декабристов. (Принято считать, что у истории нет сослагательного наклонения. Но историкам никто не может запретить делать те или иные предположения. Чрезвычайно прискорбно другое: нередко они искажают, замалчивают или подтасовывают факты в угоду какой-нибудь теоретической концепции, а то и партии, «спонсору».)

В самых общих чертах ответ представляется таким: их план был утопичным. Они могли, предположим, убить или арестовать царя, установить военную диктатуру и т. д. Могла бы, возможно, увенчаться успехом и акция Южного общества. Ну а дальше? И без того дворянство было привилегированным правящим классом. Что им дала бы конституция, ограничивающая власть самодержца? Что бы дало освобождение крестьян? Разного рода демократические преобразования, в частности, выборы в Думу? Кто бы активно поддержал восставших?

Успешный дворцовый переворот – не революция. Он не способен изменить существующий государственный строй, преобразить общество. Одними указами этого не достигнешь.

Согласно мнению В.И. Ленина, в российском революционном движении было три периода: дворянский (декабристы), буржуазный (народники), пролетарский (большевики). Таков классовый подход. Он предполагает, в частности, что победа Октябрьской революции 1917 года определялась решающей ролью пролетариата. А декабристы потерпели поражение потому, что были «страшно далеки» от народа.

Трубецкой С.П.

Однако Ленин и Троцкий были не менее далеки от народа, чем декабристы, которые были офицерами и постоянно общались с солдатами как в мирное, так и в военное время. Победа революционного выступления определенной группы или партии зависит не столько от их поддержки каким-то классом, сколько от общей обстановки в стране, а то и за ее пределами. Необходимо, чтобы это выступление поддержала значительная доля активных представителей разных общественных слоев. Только тогда обрушится вся социальная пирамида, а не только сменится ее верхушка.

В феврале 1917 года в России самодержавие рухнуло по целому комплексу причин. Главное: оно уже «изжило» себя и вызывало отвращение едва ли не во всех слоях общества, хотя и не везде одинаковое. Большевики воспользовались слабостью власти Временного правительства и ошибками его политики, а также обстановкой военного времени при деградации многомиллионной армии.

Отчаянное предприятие декабристов было обречено на неудачу. Во всяком случае, такое мнение складывается, когда пытаешься продумать разные варианты развития событий 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге. При успехе переворота в стране могли начаться крестьянские бунты. Убив Николая I, декабристы рисковали получить какого-нибудь Лже-Николая как предводителя народного восстания. А ведь дворяне, включая декабристов, более всего опасались именно такого результата. Он мог вызвать перманентную гражданскую войну и даже распад державы.

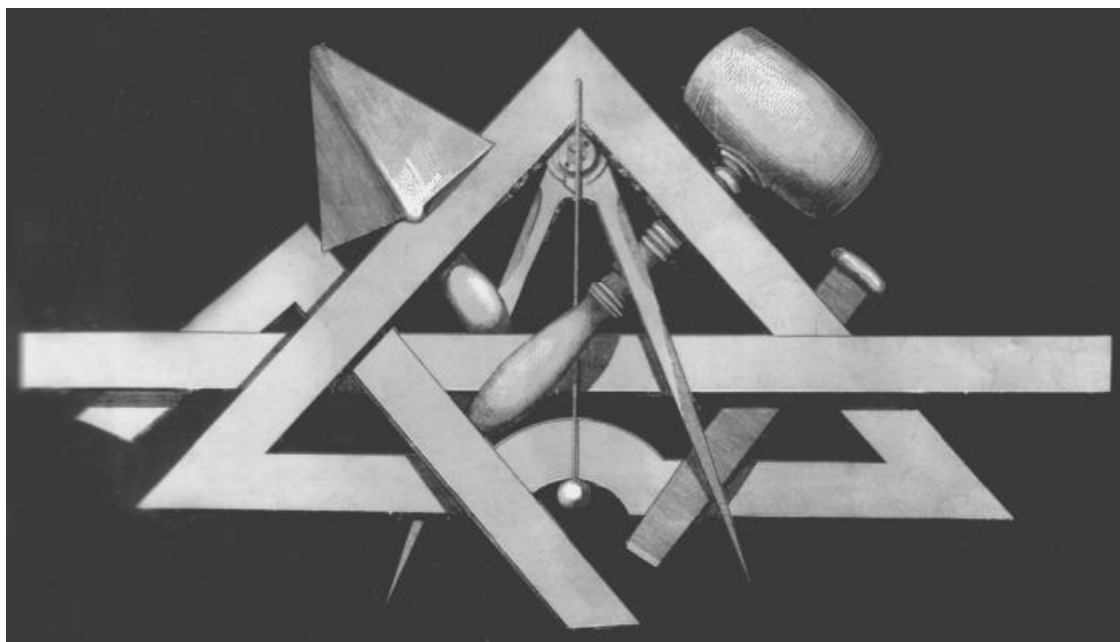
Правда, существует мнение, что были в стране и мире более могучие тайные силы, которые имели возможность воцариться в России. Это – масоны.

Масоны. Психология тайных обществ

В конце XVIII века среди россиян был популярен стишок:

Появились в России фармазоны,
И творят они всяческие резоны.

Под именем «фармазонов» имелись в виду вольнодумцы и безбожники (так поясняется в толковом словаре В.И. Даля). Слово это – искаженное «франкмасоны», что в переводе с французского означает «вольные каменщики». Короче говоря – масоны.

Масонские символы

Кто были эти люди? Какие же резоны они творили в нашей стране?

Среди них были разные личности – от ничтожных и преступных до выдающихся и героических. Соответственно их влияние на российское общество было сложным, неоднозначным. Во всяком случае, именно в этой среде зародилось революционное движение декабристов.

В книге зарубежной исследовательницы масонства Т.А. Бакуниной «Знаменитые русские масоны» упомянуто много славных имен: Суворов, Кутузов, Карамзин, Александр I, Грибоедов, Пушкин. По ее мнению, высказанному в другой работе: «Масонство, занесенное в Россию, по преданию, Петром Великим, почти одновременно с его возникновением на Западе, чрезвычайно быстро привилось и распространилось. Объясняется это тем, что появление масонства в России совпало с пробуждением общества, с первыми исканиями освобождавшейся мысли».

Она призналась, что «хотела обратить внимание на огромную массу русских вольных каменщиков, для которой масонство было настоящим светлым лучом, направлявшим их мысль на пути к достижению тайн бытия и развитию человеческого духа».

Впрочем, как мы уже говорили, первые свободные искания истины на Руси относятся к значительно более ранним временам. В случае с масонами проявилось очевидное влияние

западной мистики и философии, а также мистификации. Ведь международный авантюрист «граф» Калиостро торжественно вошел в среду российских масонов. Хотя был выдворен из страны и даже удостоился стать главным героем комедии, сочиненной Екатериной II.

Из тайных лож масонов лишь немногие имели революционный характер. В них часто вступали из карьерных соображений. Один из масонов объяснял: «Желание иметь связи, как тогда уверяли, что без связей ничего не добьемся по службе и что большею частью либо масонством, либо другим каким мистическим обществом; люди, помогая друг другу на пути каждого пособиями, рекомендацией и прочее, взаимно поддерживали себя и достигали известных степеней в государстве преимущественно перед прочими». То есть складывались коррупционные связи.

Безусловно, были среди масонов экзальтированные мистики. Их завораживала, приводила в экстаз и умиление обстановка тайной ложи с ее загадочными торжественными ритуалами. Примерно то же самое происходит с истово верующими. Некоторые масоны, склонные к размышлениям на возвышенные темы, стремились посредством символов и сочинений мистиков постичь сокровенные тайны мироздания.

Но были и те, кто был ориентирован на Запад, состоял в английских или французских ложах. Для них Россия представлялась варварской страной с дремучим населением, которую следует перекроить на западный манер.

Среди масонов России было много иностранцев; в некоторых ложах они составляли большинство. Логично предположить, что часть этих людей шпионила в пользу западных государств или скрытно отстаивала их интересы (как теперь говорят, были агентами влияния). Но даже те из масонов, которые искренне верили в идеалы Просвещения, вызывали подозрение как вольнодумцы, подобные смутьянам, учинившим революцию во Франции.

Не вдаваясь в детали деятельности масонов в России, обратим внимание на некоторые факты. По приблизительным данным Т.А. Бакуниной (точные сведения добыть невозможно), среди русских масонов абсолютно преобладали дворяне. Военных насчитывалось более тысячи, чиновников – около 350. Но подобные общие сведения не позволяют оценить возможности масонского влияния на политику и экономику страны. Потому что в процентном отношении наибольшее количество масонов приходилось на верхние слои социальной пирамиды. Так, членов царствовавших домов было 6, придворных сановников 34, высших должностных лиц 110. Литераторов, деятелей искусств насчитывалось около 280.

Как видим, представители масонских лож вполне могли воздействовать на решения, принимаемые на самом высоком уровне, и влиять на духовную жизнь общества. Но было бы несправедливо и необоснованно полагать, будто такое влияние было сугубо отрицательным. Те, кто стремится представить масонов как страшную таинственную силу, как местное или глобальное пугало, не только делают им рекламу, но и отвлекают публику от более опасных для общества социальных групп, организаций, сообществ.

Итак, можно сделать вывод: среди российских масонов, по-видимому, были иностранные агенты. Но вряд ли кто-либо из них стремился разжечь в стране революционный пожар. Самое большее, на что они могли рассчитывать, это – устроить дворцовый переворот. Революция была бы не в их интересах.

Правда, в начале 1831 года на имя Николая I поступил секретный доклад от генерал-майора князя Андрея Борисовича Голицына. Там, в частности, говорилось: «...Совесть моя и долг священной присяги не позволили мне удалиться, не открывши перед Вашим Императорским Величеством весь ужасный, тайный, злоумышленный 25-летний заговор против Престола, Самодержавия и Славы России, заговор тем опаснее, что он имеет свои корни и отрасли не в России... и, к несчастью, много русских из первых сановников находится в сем обществе...»

Голицын признавался, что еще в 1812 году был принят в масонские ложи и узнал «все ужасы» наиболее тайного ордена иллюминатов. Именно из этого опаснейшего гнезда и следует ожидать действий, направленных против самодержавия и России.

Бенкендорф А.Х.

О тайном или даже сверхтайном ордене иллюминатов ходили в Европе самые зловещие слухи. Он был основан 50 лет назад в Баварии для борьбы с влиянием иезуитов с помощью его же принципа – цель оправдывает средства. Орден был вскоре разгромлен и запрещен властями. Но, как считалось, с тех пор он ушел в глубокое подполье, затаился и сеял смуту, стремясь сокрушить мировой общественный порядок. Например, он якобы осуществил Великую французскую революцию. (Как позже писал русский историк В.И. Семевский: «Орден иллюминатов... одной из своих задач ставил противодействие всякого рода деспотизму».)

Здравомыслящий Николай I в другое время мог бы и не обратить внимания на донос Голицына, известного своими неординарными поступками, граничащими с умопомрачением, пусть даже и временным. Но время было слишком тревожным. Не прошло и шести лет после восстания декабристов, а в России вновь складывалась критическая ситуация.

В отчете за 1830 год о положении дел в империи шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения граф Александр Христофорович Бенкендорф сообщал: «Стечение печальных обстоятельств: эпидемия, плохой урожай, застой в торговле, бедность, революция – все эти бедствия создали всеобщее тяжелое настроение, которым пользуются злонамеренные люди и интриганы для того, чтобы посеять сомнения относительно будущего и предсказывать репрессии».

Речь идет об эпидемии холеры, подступавшей к Петербургу. Но главное, конечно, другое. 27 июля 1830 года в Париже произошло вооруженное восстание в ответ на ущемление правительством гражданских свобод. Вечером того же дня глава кабинета де Полиньяк успокоил короля: «В сущности, все сводится лишь к простому волнению». Но уже на следующий день командующий войсками в Париже доложил иначе: «Это уже не волнение, это – революция». Была свергнута царствующая династия Бурбонов. Монархия сохранилась (корона перешла к герцогу Орлеанскому, ставшему Луи Филиппом I), но при обновленной буржуазно-демократической конституции.

Луи Филипп

Николай I

Возможно, точнее было бы назвать это вооруженным переворотом. Власть потомственной аристократии сменилась господством олигархов, банковской и торгово-промышленной буржуазии. В августе грянула революция в Нидерландах, завершившаяся созданием независимого королевства Бельгии. В ноябре – восстание в Польше. Оно началось с покушения (не удавшегося) на великого князя Константина Павловича, наместника Царства Польского.

В декабре было организовано национальное правительство, а 25 января 1831 года сейм объявил о свержении императора Николая I с польского престола.

Как видим, «эпидемия» революций в Европе должна была серьезно озадачить русского царя. Письмо-донос князя Андрея Голицына о масонском заговоре упал на благодатную почву. Однако Николай I, зная странности автора данного сочинения – с обилием слов при минимуме доказательств, – не стал торопиться с выводами.

Масонские тайны и оккультная литература серьезно потрясли психику князя и отчасти помутили его рассудок. Он штудировал шведского мистика Сведенборга, всерьез воспринимая его откровения о беседах с духами умерших (некромантия), о телепатии. Без тени сомнения Сведенборг утверждал: «Что человек по внутренним началам своим дух, ясно доказывается тем, что по отрешении своем от тела, или после смерти, он продолжает жить как человек. Мне дано было убедиться в этом беседую с иными в продолжение нескольких часов, с другими – в течение недели или месяцев и даже многих лет».

На примере А.Б. Голицына можно видеть, как воздействовали масонские идеи на некоторых экзальтированных членов этих тайных обществ. Вот его признание: «Я кинулся в герметическую работу, она научила меня некоторым правилам и силам в природе; я все стремился выше и выше, в 1824 году я готов был вступить в магию, но Бог меня от этого спас; я видел чудеса невероятные от нечистой силы и устрасился их... Я начал учить некромантию, влияние планет, составление пантоклов и талисманов, имена духов от Архангелов до последних гномов подземельных; я углубился в науку числ халдейских...»

Приобщение к тайным масонским знаниям не прошло для него бесследно, хотя он и раскаялся, вернувшись к православию. «Но одно несомненно, – пишет Я.А. Гордин в книге «Мистики и охранители», – князь Андрей Борисович был натурой искренне мятущейся, взывающей смысла вещей, не довольствующейся обыденным течением жизни. Ему мало было придворной и военной карьеры, которые шли вовсе недурно, ему хотелось – и хотелось сильно – деятельности необычайной и высшей».

Прервем цитату. Здесь высказана мысль, помогающая понять психологию немалою числа членов тайных, в частности, революционных обществ. Эти люди стремились преодолеть тяжкое тяготение обыденной жизни, обрести высшую цель бытия, несравненно превосходящую любые личные низменные устремления.

«Почему же он, – продолжает Гордин, – так далеко ушел от преддекабристских увлечений своей молодости? От идеалов Ордена русских рыцарей?»

Во-первых, кто знает, отчего меняется политическая позиция человека? Тут может быть великое множество причин – иногда самого неожиданного личного свойства. Неукротимый и безжалостный Пестель в 1825 году стал религиозен, толковал об уходе в монастырь, о том, что надо открыться императору, чтобы убедить его начать реформы. А незадолго перед тем Пестель готов был полностью уничтожить августейшее семейство – с женщинами и детьми...

Во-вторых, скорее всего, в князе Андрее Борисовиче масонство, которое для декабристов и близких к ним людей было лишь формой организации, победило политический либерализм. Мистическое мировосприятие заполнило его душу...

В-третьих, вполне возможно, он искренне уверовал в гибельность радикального реформаторства в конкретных российских условиях и считал, что оно может вызвать лавину народного мятежа. В подобных опасениях он был отнюдь не одинок».

Этот частный пример показателен. Он демонстрирует одну важную особенность тайных обществ. Идеи и ритуалы, характерные для них, могут завораживающе воздействовать на людей определенного склада ума и характера. В психологии это называется внушением установки, укореняющейся в подсознании. В дальнейшем она может руководить поведением человека вне его рассудка, управляя его эмоциями.

В тайных революционных обществах ситуация усугубляется дополнительным духовным напряжением, вызванным постоянной опасностью. Для некоторых людей это служит источником своеобразного вдохновения, энтузиазма. Как провозгласил герой трагедии Пушкина:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...

А что касается донесения А.Б. Голицына о заговоре ужасных иллюминатов, то по велению царя соответствующее расследование провели военный министр граф А. Чернышев и генерал-адъютант граф А. Орлов. Они ознакомились с имевшимися материалами, побеседовали с Андреем Борисовичем и доложили Николаю I: «Окончательное объяснение князя Голицына, от которого, по словам его, мы ожидали больших открытий и доказательства, не соответствовали нашему ожиданию, и нимало не сомневаясь в добрых его намерениях, должны признаться, что способы его собственных понятий со всем его рвением не могут без помощи других обнять и раскрыть столь обширное по существу своему, столь великое дело, каково существование и продолжение в России зловердных действий иллюминатской секты».

Подозрения Голицына оказались голословными, внушенными его неумной фантазией. Но в его путаных и пространных рассуждениях порой проскальзывала верная мысль: «Россия стоит, как великан, на которого натянули насильственно с трудом немецкую столь узкую куртку, что он не может владеть руками, скрутили его по всем суставам, перетянули жилы, остановили в них кровообращение, дразнят, колют, терзают, изнуряют, полагая повалить его на землю и дать на съедение разнородным налетным псам!» (Удивительно актуально звучит.)

Почему так происходит? Андрей Борисович, побывавший в тайных обществах и знавший, как много в них состоит влиятельных людей, решил, что корень зла – в коварных происках секты иллюминатов. Но ведь иноземное влияние на Россию началось наиболее активно еще при Петре I. И оно вовсе не было во всем отрицательным. Трудности экономического роста России определялись комплексом причин вне связи с «немецкой узкой курткой». Другое дело – духовное подавление и унижение русского народа и его самобытной культуры. Но в этом повинны были не только иностранцы.

Победа в Отечественной войне не улучшила положения русских крестьян. Дворянство цепко держалось за свои привилегии. Бюрократия и коррупция пронизали всю государственную систему. Справиться с такой напастью было чрезвычайно трудно. Легко свалить всю вину на самодержавие или мифических иллюминатов. На состоянии страны сказывается весь предыдущий путь ее развития в материальных и духовных связях с другими странами и культурами.

Нельзя, конечно, отрицать влияния масонов на политику России. Оно проявилось, в частности, во время и после Февральской революции 1917 года. Но об этом – позже.

Глава 2. Революционный террор

*Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падающие рабы!*
Александр Пушкин

Предтечи народовольцев

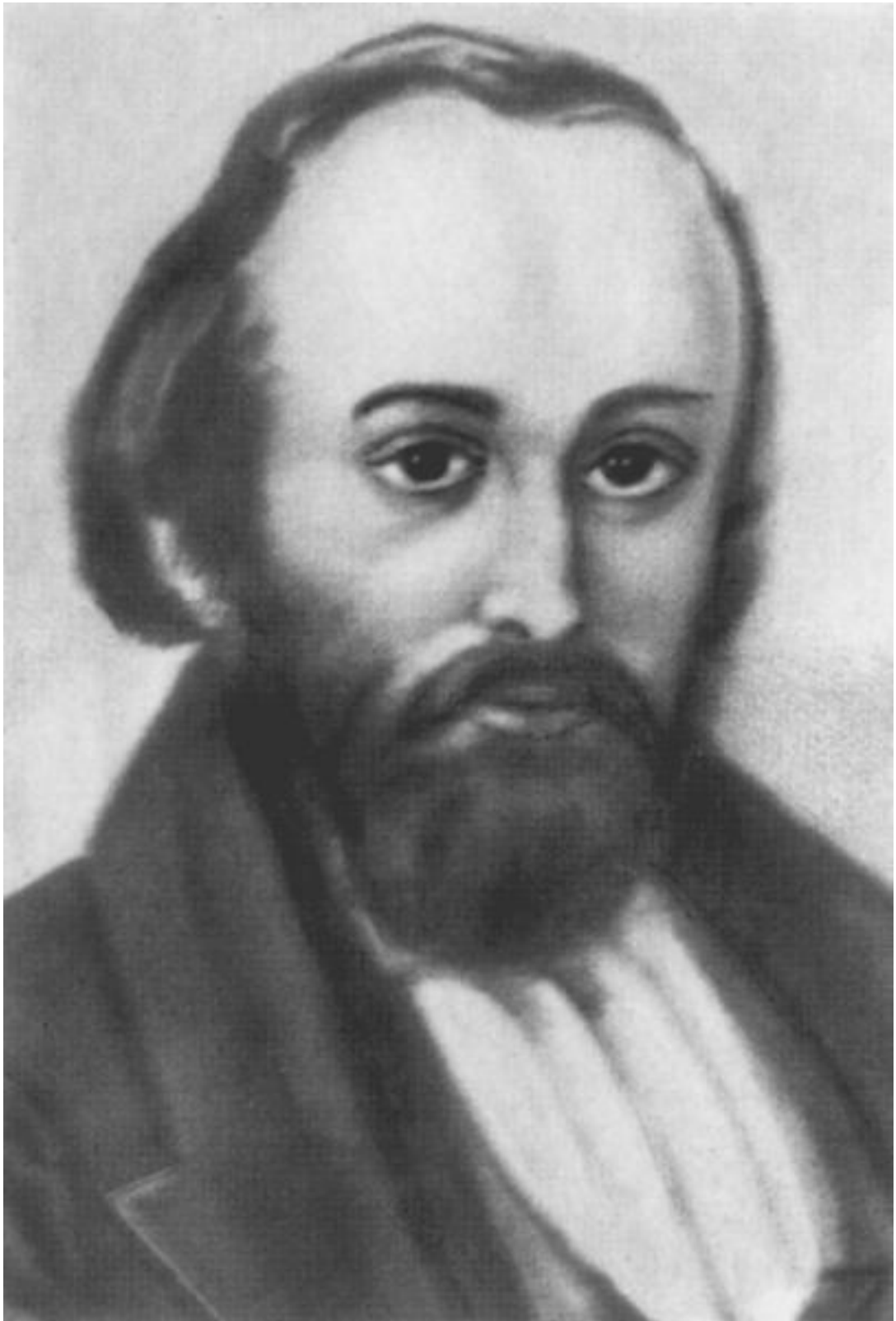
«Террор» в переводе с латыни означает «ужас». Террористические методы могут иметь разный характер: от запугивания до убийства.

Будем различать террор четырех видов: революционный, контрреволюционный, государственный и криминальный. Последний может проявляться и в связи с первыми тремя, но прямого отношения к нашей теме не имеет.

Отдельные люди или организации вынуждены вступать на путь террора от бессилия. Это вынужденная мера. Обычно к ней прибегают, что называется, не от хорошей жизни. Ее используют в тех случаях, когда другими способами нельзя достичь желаемой цели.

Цареубийство принято считать особо тяжким преступлением. Однако в России благодаря такой акции взойшли на престол Екатерина II и Александр I. Убийство царя ни в коем случае не означало свержения самодержавия. Всегда были претенденты на трон. Самодержавие держалось не на одной конкретной личности, а на всей системе государственной власти и, вообще говоря, на общественном согласии.

Декабристы были готовы на цареубийство, но считать их террористами вряд ли корректно. Они стремились совершить государственный переворот, не прибегая к помощи народных масс и даже опасаясь их. Запугать они хотели только сенаторов и царя, чтобы они согласились провозгласить если не республику, то конституционную монархию.

Буташевич-Петрашевский М.В.

Масоны отчасти пользовались методом морального террора. Их руководители заинтересованы были в формировании общественного мнения о необычайном могуществе данных тайных обществ. Жертвой таких слухов стал, в частности, князь А.Б. Голицын. Но производить революцию в России подавляющая часть масонов не собиралась ни при каких условиях.

Казалось бы, либеральные реформы Александра II, а прежде всего отмена крепостного права в 1861 году, должны были погасить искры грядущего революционного пожара. А вышло наоборот!

О причинах такой странной ситуации мы поговорим позже. А пока вспомним о некоторых тайных революционных организациях того периода.

Прежде всего упомянем кружок петрашевцев. Его члены так себя не называли, а просто встречались и дискутировали в нелегальных кружках, основателем и вдохновителем которых был сын видного петербургского врача М.В. Буташевич-Петрашевский, окончивший Царскосельский лицей.

Был он большим оригиналом. Рассказывали, что однажды он явился в Казанский собор, переодетый в женское платье и прикрыв свою бороду. К нему подошел квартальный надзиратель.

— Милостивая государыня, вы, кажется, переодетый мужчина.

И услышал в ответ:

— Милостивый государь, а мне кажется, что вы переодетая женщина.

Смущенный полицейский остолбенел. Петрашевский скрылся в толпе.

Деятельность петрашевцев была инициирована общим подъемом в Европе революционной пропаганды, популярностью трудов социалистов-утопистов и анархистов: Сен-Симона, Фурье, Кабе, Луи Блана, Прудона. Сказалось и влияние свержения Бурбонов во Франции в 1848 году с последующими революционными вспышками в Западной Европе.

У Петрашевского собирались по пятницам, обсуждая различные проблемы, преимущественно социально-политические. Доклады носили просветительский характер. Некоторые из присутствующих не разделяли радикальных революционных идей. Поэтому особо острые «запретные» темы Петрашевский предпочитал обсуждать в узком кругу. В числе петрашевцев были замечательные мыслители: писатель Ф.М. Достоевский и естествоиспытатель Н.Я. Данилевский (впоследствии написавший работу «Россия и Европа» и обстоятельное опровержение дарвинизма).

Раскрыли этот «полутайный» кружок в 1847 году. Подъем революционного движения на Западе, вызвавший серьезное беспокойство в правящих российских кругах, должен был усилить конспирацию у петрашевцев. Однако они словно забыли об осторожности, проводя порой достаточно острые политические дискуссии. Возможно, этому способствовали агенты «охранки» (например, провокатор П.Д. Антонелли), втершиеся в их ряды (III отделение Собственной его императорского величества канцелярии, орган политического надзора и сыска в 1826–1880 годах. Исполнительным органом был Отдельный корпус жандармов, шеф которого возглавлял Третье отделение. После упразднения функции переданы Департаменту полиции МВД). А ведь тогда реакция ужесточалась и карали порой только за нелестные отзывы о государе. Некоторым петрашевцам знакомые сообщали, что за кружком ведется слежка и вскоре его члены будут арестованы.

Тем не менее на «пятнице» 1 апреля 1849 года у Петрашевского обсуждались острые проблемы: положение крестьян, недостатки российского судопроизводства, свобода печати. По-видимому, участники дискуссии полагали, что за подобные разговоры их не станут арестовывать, судить и тем более выносить суровый приговор. Однако уже 21 апреля граф А.Ф. Орлов представил Николаю I большой список петрашевцев. Царь ознакомился с ним и произнес:

— Я все прочел. Дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо. Приступить к арестованию, как ты полагаешь. Точно лучше, ежели только не будет разглазки от такого большого числа лиц, на то нужных... С Богом!

Покарали петрашевцев с необычайной суровостью, не отвечающей малости их вины, если не отсутствию состава преступления. Двадцать одного из них присудили к смертной

казни. 22 декабря 1849 года их вывели на плац и подготовили к расстрелу. Они держались достойно, хотя пережили ужасные минуты (об этом вспоминал Ф.М. Достоевский). В последний момент казнь заменили каторжными работами.

По Петербургу пустили слухи о раскрытии заговора врагов России и русского народа, стремившихся убить царя и всю его семью. Конечно же, ничего подобного не было и в мыслях петрашевцев. Они были сторонниками постепенных преобразований общества путем конституционных реформ. Разве что однажды один из них, В.П. Катенев, показав на портреты французских политиков, висевших на стене, засмеялся: «Почему бы не повесить и нашего царя?»

Жестокая расправа с петрашевцами серьезно напугала вольнодумцев, которые устраивали кружки, где, помимо всего прочего, свободно обсуждались социально-политические проблемы. Теперь если уж создавались тайные общества, то с самыми серьезными намерениями. Они были сначала преимущественно просветительскими и дискуссионными, а затем – террористическими.

Революционные организации породили, расширили и укрепили особые государственные структуры, призванные с ними бороться. Репрессии порождали протесты. В ответ правительство ужесточало контроль над обществом. Царю докладывали о существовании опаснейших заговорщиков. На нужды тайной полиции выделялись крупные средства. В разжигании «революционного психоза» и даже в террористических актах были весьма заинтересованы представители карательных органов.

Сложилась парадоксальная ситуация: борцы против существующего государственного строя способствовали его усилению и ужесточению. Эти мероприятия обычно называют реакционными, вкладывая в это негативный смысл. Однако они являются в значительной степени реакцией на тайные общества революционеров.

На первый взгляд кажется, что радикальные идеи, рожденные в результате буржуазных революций в Западной Европе, давали энергичный толчок социально-экономическому и культурному развитию России. Однако и тут не все так просто. На общественное сознание положительно воздействовали, будоража его и поднимая острые вопросы, прежде всего опубликованные художественные и публицистические произведения. Кроме того, в страну в немалом количестве завозили нелегальную литературу, издававшуюся в Париже, Лондоне, Женеве...

Но все это относилось почти исключительно к «образованным сословиям». Сравнивая петрашевцев с декабристами, Ф.М. Достоевский писал:

«И те и другие принадлежали, бесспорно, совершенно к одному и тому же *господскому*, “*барскому*” так сказать, обществу, и в этой характерной черте тогдашнего типа политических преступников, то есть декабристов и петрашевцев, решительно не было никакого различия.

...Вообще тип русского революционера, во все наше столетие, представляет собою лишь наияснейшее указание, до какой степени наше передовое, интеллигентное общество разорвано с народом, забыло его истинные нужды и потребности, не хочет даже и знать их и, вместо того, чтобы действительно озаботиться облегчением народа, предлагает ему средства, в высшей степени несогласные с его духом и с естественным складом его жизни...»

Мысль верная, но лишь отчасти. За то столетие тип русского революционера эволюционировал. Вначале это были почти исключительно дворяне. Затем среди них стало появляться все больше разночинцев, а также рабочих. Преобладала образованная или полубра-зованная молодежь. А в конце века сформировались профессиональные революционеры.

Каракозов Д.В.

Что касается средств улучшения положения народа, то и тут не все так однозначно. Да, конечно, интеллигенция была оторвана от народа. И это характерно не только для России. Так было и есть практически везде. Даже в СССР, где поначалу интеллигенция была, в сущности, народной (хотя там были и представители дворянства), в дальнейшем, во время

хрущевского правления, значительная ее часть откровенно встала на сторону номенклатуры и Запада.

«Царская охота»

Всего лишь через пять лет после поистине эпохального события – отмены крепостного права в марте 1861 года – прозвучали выстрелы Каракозова, пытавшегося убить царя. Это событие стало одной из отправных точек революционного террора.

Это не было спонтанным решением одиночки. Дмитрий Каракозов, происходивший из обедневшей дворянской семьи, во время учебы в Московском университете вступил в революционный кружок, организованный еще в 1863 году. Возглавлял эту тайную организацию его двоюродный брат и одноклассник Николай Ишутин. В нее входили студенты университета и Петровской сельскохозяйственной академии, преимущественно разночинцы. Их вдохновляли идеи Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, а также западных социалистов.

«Ишутинцы» мечтали, сохранив традиционный российский уклад, перестроить его на принципах социализма. По их мнению, российское общество должно быть перестроено на началах крестьянских общин и кооперативных артелей. Для этого надо было сокрушить существующий строй, свергнуть царя. Однако такие намерения приходилось скрывать от большинства участников кружка. Ишутин понимал: в народе радикальные меры не найдут поддержки.

Почему? Население по большей части бедствует, едва сводя концы с концами; находящиеся «при власти» несправедливо богатеют, нередко за счет казнокрадства. Разве плохо отказаться от такого государственного устройства?

В данном случае, как это часто бывает, сказывалась распространенная в массах легенда о том, что верховный правитель хорош, а дурны его подчиненные, чиновники. Отчасти мнение было справедливое. Тем более что убийство царя само по себе могло бы принести народу не освобождение, а дополнительное порабощение. Кто знает, какой человек воссядет на трон? И почему бы ему быть добрее своего убиенного предшественника?

Однако все это оставалось в области мечтаний. В сущности, кружковцы никак не были связаны с народом. Пора было бы переходить к практическим действиям. Но как это сделать и что предпринять? В сущности, они были слабы для серьезных выступлений. Именно это подвигло их на индивидуальный террор.

На основе своего кружка Ишутин стал сколачивать глубоко законспирированную организацию с характерным названием «Ад». Ближайшей ее задачей стало цареубийство и уничтожение предателей, после чего, как предполагалось, народ встряхнется от вековой спячки и сбросит иго эксплуататоров. Или, во всяком случае, на престол взойдет государь более либерального направления и проявивший больше заботы о русском народе.

В марте 1866 года Каракозов выпустил в Петербурге рукописную прокламацию «Друзьям рабочим» с призывом к революционным выступлениям. Чтобы «из искры возгорелось пламя», он решил убить царя.

4 апреля, когда Александр II выходил из Летнего сада и садился в свою коляску, Каракозов выстрелил в него и промахнулся. Согласно официальной версии, точному попаданию помешал стоявший рядом мещанин Осип Комиссаров. Возможно, так оно и было. Все-таки в русском народе преобладали «царисты».

Государь записал в дневнике об этом событии: «Гулял с Марусей и Колей (детьми. – Р.Б.) в Летнем саду... выстрелили из пистолета, мимо... Убийцу схватили... Общее участие. Я домой – в Казанский собор. Ура – вся гвардия в белом зале...»

Каракозова схватили, пытали, судили и повесили 3 сентября на Смоленском поле в Петербурге. (О том, что его пытали, в частности, лишением сна, свидетельствовал П.А. Кропоткин, слышавший об этом от одного офицера.) Ишутина арестовали, судили, приговорив к смертной казни, заменив ее пожизненными каторжными работами. После ареста он прожил

всего 7 лет, не дожив до сорокалетнего возраста. Его организацию разгромили, а ее участников репрессировали.

«Выстрел 4 апреля был нам не по душе, – писал Герцен. – Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую брал на себя какой-то фанатик. Мы вообще терпеть не можем сюрпризов ни на именинах, ни на площадях: первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». (Последнее замечание было опровергнуто последующими историческими событиями, вплоть до нашего времени.)

Ему ответил неистовый революционер-анархист М.А. Бакунин: «Я так же, как и ты, не ожидаю ни малейшей пользы от цареубийства в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая в пользу царя временную реакцию, но не удивлюсь отнюдь, что не все разделяют это мнение и что под тягостью настоящего невыносимого, говорят, положения нашелся человек, менее философски развитый, но зато и более энергичный, чем мы, который подумал, что гордиев узел можно развязать одним ударом. Несмотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его “нашим” перед гнусной толпой лакействующих царепоклонников».

Не совсем прав Бакунин, предполагая «теоретический промах» у террориста. Да, безусловно, ответом на покушение было ужесточение карательных мер со стороны правительства. Но именно этого добивались некоторые теоретики терроризма.

Александр II

По их мнению, обострение борьбы между революционерами и их противниками должно привести в конце концов к открытому столкновению, социальному взрыву. Индивидуальный террор провоцирует аналогичные меры со стороны государства. Таким путем предполагалось вызвать дестабилизацию общества, страх перед новыми покушениями, растерянность и смуту.

Кроме того, громкие террористические акции напоминали властям и народу, а также просвещенным гражданам других стран, что в России действуют тайные общества революционеров, бросивших вызов самодержавию. Слабых духом это заставляло трепетать, а сильных вдохновляло на революционные подвиги (или на противодействие им).

На ситуации в России могла сказываться «психическая эпидемия» покушений, процветавшая в предшествующие годы по миру. В Америке был застрелен президент Линкольн. Рабочий Гедель, а затем доктор Нобилинг стреляли в императора Германии. Испанский рабочий Монкаси попытался убить короля Альфонса XII. Повар Пасанате бросился с ножом на итальянского короля.

В период либеральных реформ Александра II большинство идейных революционеров отвергали метод террора. А желающих совершить цареубийство даже ценой собственной жизни было, по-видимому, немало. П.А. Кропоткин, член тайного кружка народников, свидетельствовал:

«Из южных губерний приехал однажды в Петербург молодой человек с твердым намерением убить Александра II. Узнав об этом, некоторые чайковцы долго убеждали юношу не делать этого; но так как они не могли переубедить его, то заявили, что помешают ему силой. Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, я могу утвердительно сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Так твердо была настроена тогда молодежь против той самой войны, в которую она бросилась потом с самоотвержением, когда чаша ее страданий переполнилась».

Если у кого-то была надежда запугать покушениями царя и вынудить его пойти на уступки, она ни в коей мере не оправдалась. Как бы ни относиться к русским царям, трусостью они не отличались. В частности, во время покушений на его жизнь Александр II проявлял спокойствие и мужество. (Однажды на охоте он выстрелил в медведя, ранив его. Зверь смял охотника, бросившегося вперед с рогатиной. Царь подошел к медведю и застрелил его в упор. Кстати, отдавая должное царю, полезно вспомнить и о мужестве медвежатника.)

Либеральные реформы Александра II и относительная свобода печати вызвали, скажем так, «предреволюционное брожение» в российском обществе. Они возбудили в среде образованных сословий надежды на дальнейшую модернизацию государственной системы, вплоть до принятия конституции (к чему стремились главным образом демократы-западники) или укрепления местного самоуправления и сельских общин, о чем мечтали славянофилы и революционеры-народники.

Время шло, а дальнейшего развития реформы царя-Освободителя не имели. Не потому, что Александр II был упоен самодержавием или ему не хватало государственной мудрости. Он находился в трудном положении, опасаясь, что будут поколеблены устои российского общества, начнется борьба за власть, а там еще народные бунты, революция, распад державы.

...Утром 2 апреля 1879 года, проходя по Дворцовой площади, царь увидел странного господина в чиновничьей фуражке и с напряженным взглядом, шедшего ему навстречу. Правая рука этого человека находилась в кармане пальто. Он достал из кармана револьвер и выстрелил в царя. Сохранив присутствие духа, Александр II быстро повернулся и бросился бежать. Он не забыл правила: в таких случаях следует двигаться не по прямой, а зигзагами. Это спасло ему жизнь. Террорист продолжал стрелять в него, но не успевал прицелиться. Лишь одна пуля слегка разорвала царскую шинель.

(Тот, кто полагает, будто Александр II трусил, не в состоянии отличить глупую браваду или полную потерю самообладания безоружного человека, остолбеневшего перед убийцей, от четких разумных действий того, кто умеет владеть собой в экстремальных ситуациях.)

Нападавшего схватили. Им оказался Александр Константинович Соловьев – убежденный народник, несколько лет проводивший революционную пропаганду среди крестьян раз-

личных губерний Центральной России. Суд над ним был скорый: приговорили к смертной казни через повешение.

Казалось бы, стрелявший в царя должен быть закоренелым злодеем или убежденным анархистом-террористом, бесшабашным разрушителем общественных порядков. В действительности было не так. Н.А. Морозов, с которым они вместе «ходили в народ», называл его «застенчивым и молчаливым». И добавлял: «Соловьев мне особенно нравился своей мягкой вдумчивостью и приветливостью. Его молчаливость явно не была результатом ограниченности. Нет! Когда его спрашивали о чем-нибудь, он всегда отвечал умно или оригинально, но и он, как я, и даже несравненно больше, любил слушать других, а не говорить им что-нибудь свое».

Покушение на Александра II не было отчаянным решением одиночки. Соловьев был членом тайной организации «Народная воля» (о ней речь впереди). В начале марта 1879 года он вместе с сообщниками – А. Михайловым, Т. Квятковским, А. Зунделевичем и Г. Гольденбергом – обсудил план цареубийства. Последний недавно приехал в Петербург из Харькова, где убил местного генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина, и теперь был готов «расправиться» и с императором. Однако было решено, что совершить этот акт должен русский, а не поляк или еврей, чтобы не вызвать взрыв национальной вражды.

На более широком совещании активистов «Народной воли» этот план после недолгой, но горячей дискуссии был одобрен. Иначе быть не могло, ибо Соловьев заявил, что исполнит данную акцию в любом случае, а после покушения примет яд (он так и сделал, но не отравился или потому, что ему помешали, или по причине плохого качества отравы).

Странно, конечно, что ни одна пуля из пяти не достигла цели, даже не задела царя. Поистине его хранило Провидение (до поры до времени). В печати так и писали: произошло чудесное спасение помазанника Божия благодаря заступничеству свыше.

Учтем: для Соловьева сторонник террора Николай Морозов достал большой револьвер. Его приобрел близкий к чайковцам состоятельный доктор Веймар (он участвовал в освобождении Петра Кропоткина), поплатившийся за это каторгой. Соловьев ежедневно ходил в тир, упражняясь в стрельбе. Он был уверен и говорил друзьям, что промаха не даст. И вдруг – ни одного попадания в живую цель!

Судя по всему, на Соловьева воздействовала его совесть – нравственный закон, укоренившийся в душе. Но одно дело целить в мишень, другое – в безоружного человека. У профессионального убийцы или у негодяя рука не дрогнет. А честный человек может промахнуться невольно, сам того, казалось бы, не желая. Даже если рассудок оправдывает преступление высшими общественными целями, подсознание может воспрепятствовать ему и помешать совершить убийство из высших принципов морали.

Так или иначе, а царь остался невредим, террориста утром 28 мая повесили на Смоленском поле в присутствии четырех тысяч зевак. Ему было 33 года. Полиция объявила розыск его сообщников...

По мнению Петра Кропоткина, Александр II был храбр перед реальной опасностью, «но он беспрерывно трепетал перед призраками, созданными его собственным воображением. Единственно чтобы охранить свою императорскую власть, он окружил себя людьми самого реакционного направления, которым не было никакого дела до него, а просто нужно было удерживать свои выгодные места».

Но ситуация для царя была не так проста. В его ближайшем окружении не было единства. С одной стороны на него оказывали давление влиятельнейшие представители имперской власти, привилегированные слои общества, недовольные либеральными реформами. С другой – не менее влиятельные силы стояли за дальнейшие постепенные преобразования и установление в конце концов конституционной монархии. Высшее дворянство претендовало на свою долю «самодержавия», тогда как революционеры стремились либо свергнуть

любую власть (анархисты), либо установить народовластие (неведомо какое), либо – меньшинство – полагали, что социализм победит в России после установления буржуазной демократии.

Самодержавие и народность

Обдумывая перипетии общественных движений в России во второй половине XIX века, приходишь к парадоксальному выводу: в дальней перспективе цели самодержавия и народников совпадали! И это было чревато трагическим конфликтом как для царя, так и для его противников, ибо примирения между ними быть не могло.

Александр II уже в начале своего правления находился в трудном положении. Вспоминается картина Васнецова «Витязь на распутье». Вот и перед императором было открыто три пути.

Прямо пойдешь, продолжая сохранять или тем более укреплять существующую государственную систему, потеряешь авторитет среди «прогрессивных» кругов высшего русского общества, ориентированных на Запад и стремящихся установить в стране конституционную монархию на английский манер. А для революционеров будет веский повод совершить цареубийство как единственно возможный способ свержения самодержавия.

Направо пойдешь, в направлении конституционной монархии, придется уступить власть олигархической верхушке и тем, для кого главная цель деятельности – получение максимальной прибыли и связанных с ней привилегий. Отмена крепостного права отчасти проторила этот путь. Однако дальнейшие преобразования означали бы установление практически неограниченной власти наиболее богатых и неизбежное господство иностранного капитала. Некоторая часть революционеров была бы удовлетворена, надеясь на установление буржуазной демократии как переходной формы на пути к социализму. Но террористы, стремящиеся к социализму или анархии, все равно оставались бы непримиримыми врагами царя.

Существовала, в принципе, и дорожка налево. Она была подобна узкой тропке, ведущей в дремучий лес. Можно ли было сделать сколько-нибудь значимую уступку революционерам? Это означало бы разорвать отношения со сторонниками самодержавия, а также с западниками, мечтающими о конституции. Вдобавок ко всему революционеры, и наиболее радикальные из них – террористы, выступали за уничтожение монархии в кратчайшие сроки, на что царь, находясь в здравом уме, никак не мог согласиться.

Выбор у Александра II был невелик: либо продолжить демократические реформы, невзирая на конфликт со многими влиятельными лицами в государстве, либо постепенно свертывать реформы и начать «наведение порядка». Это грозило ему смертью от рук революционеров-террористов. Он предпочел именно такой вариант. По-видимому, считал его меньшим из двух зол.

...Для многих читателей может показаться парадоксальной еще одна ситуация в руководстве России: проекты либеральных реформ (весьма осторожные, конечно) предлагали министры внутренних дел и шефы жандармского Третьего отделения. Они были осведомлены о росте революционных настроений и стремились им противодействовать не столько репрессиями, сколько реформами.

Надо иметь в виду: монархия как система государственного управления, по сути, наиболее приближается к анархии. Все основные, а то и второстепенные общественные проблемы решал государь. Он имел возможность содействовать крестьянской общине и отменить крепостное право. Он стоит над всеми, и в этом отношении подчинения находятся все остальные жители страны.

Однако монархия исторически сложилась в рамках феодальной системы, унаследовав жесткую иерархию типа пирамиды, на вершине которой находится самодержец, а в основании – трудящийся народ. В России основание было огромным (около 85 % населения),

«промежуточные» слои – от царского двора, вельмож, богатых помещиков и т. д. – были незначительными.

Среди последних буржуа составляли малую часть, а потому реализация буржуазной демократии по западному образцу была весьма проблематична (что доказало быстрое падение Временного правительства в 1917 году). За ограничение самодержавия выступало дворянство, желавшее получить свою долю государственной власти.

В 1863 году возглавлявший Министерство внутренних дел П.А. Валуев старался хотя бы как-то реализовать свою программу, предполагающую некоторое смягчение самодержавия или, как он выражался, «обновить формы его правления». Впрочем, подобные попытки делались и раньше. Так, еще в 1855 году историк и писатель М.П. Погодин написал графине А.Д. Блудовой (муж ее был главноуправляющим Вторым – законодательным – отделением царской канцелярии) о своем желании встретиться с императором и поделиться с ним своей тревогой за судьбу государства Российского. Она ответила: «Что касается до Вашего намерения просить аудиенции у Государя, чтобы сказать ему в общих выражениях, что положение опасно, что система дурна, что люди недостаточно умны, недостаточно учены... Все это знает и Государь, и весь свет. Нужно знать, как и чем, и кем пособить горю».

По мнению Валуева, пособить этому горю можно, предоставив «образованным классам населения» возможность «некоторого участия в местных делах». Как писал В.И. Ленин: «Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс – дворянство – обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений».

Вряд ли Валуев заботился о положении дворянства. К нему поступали сведения о состоянии всего русского общества. 22 сентября 1861 года он представил царю всеподданнейшую записку, где показал, как относятся к правительству дворяне, крестьяне, духовенство, студенты и чиновники. Вывод был неутешительный: «Меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опереться». Александр II отметил здесь же на полях: «Грустная истина».

Что же делать?

Валуев полагал, что пришла пора самодержцу пойти на уступки, а в обществе разрешить более откровенный и широкий обмен мнениями. В своей записке он подчеркнул: «Мыслям, даже ложным, надлежит противопоставлять мысли». Сослался на «общеизвестные европейские события», намекая на революционные выступления. Но царь не желал давать послаблений, понимая, что так можно дойти и до конституции. Он написал:

«Прежде всего я желаю, чтобы правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ монархического и самодержавного правительства».

Иными словами, все должно оставаться, как прежде. Однако обстановка в стране летом 1862 года продолжала накаляться, распространялись революционные прокламации, назревал конфликт в Царстве Польском. В своем дневнике Валуев сделал запись: «Мне порою приходит на мысль: не погибли ли мы окончательно? Не порешена ли судьба Российской империи?».

Да, теперь мы знаем, что судьба ее была решена. Но свершилось окончательное крушение через полвека. Может показаться, что срок слишком велик. Однако следует помнить, что гигантский общественный организм обладает значительной инерцией, хотя каждый наблюдатель невольно оценивает его со своей позиции, по своим масштабам времени.

Почему же Александр II так упорно отстаивал неприкосновенность самодержавия? Он объяснял это примерно так же, как было принято царями в XIX веке: не только народ, но

и высшие классы России еще не достигли культурного уровня, необходимого для представительного правления. Во всяком случае, именно так он высказался 31 августа 1863 года в беседе с одним из «либералов», разработчиком крестьянской реформы 1861 года Н.А. Милютиным.

Пожалуй, царь был прав, отклоняя всяческие предложения о создании «всероссийской говорильни» (именуемой парламентом, думой или как-то иначе). Однако в 1865 году московское дворянство, а затем Петербургское губернское земское собрание, Рязанское и Петербургское губернские дворянские собрания выступили с предложениями изменить политический строй. Москвичи писали: «Довершите же, Государь, основанное Вами государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству. Повелите вашему верному дворянству, с этой же целью, избрать из среды себя лучших людей. Дворянство всегда было твердою опорою русского престола».

Нетрудно было понять, что таким образом влиятельные русские дворяне из «партии англоманов» желали учредить у себя в стране нечто подобное палате лордов. Ответил на такие претензии мыслитель, поэт и дипломат Федор Тютчев эпитаграммой:

Куда себя морочите вы грубо?
Какой у вас с Россиею разлад!
Куда вам в члены английских палат?
Вы только члены английского клуба!

Шувалов П.А.

Итак, дворянство и земство расшатывали устои самодержавного государства ничуть не меньше, чем революционеры. Но если последние боролись за власть народа (не всегда ясно сознавая, как это осуществить и тем более какие могут быть последствия), то в верхних слоях общества шла борьба за власть *над* народом. В случае их победы в стране воцарилась бы не буржуазная, а какая-то невиданная доселе дворянско-земская «демократия». Одним

из лидеров такого направления был брат царя, генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, занимавший многие ответственные посты.

Так как речь не шла о парламенте и конституции, а лишь о некоторых уступках со стороны самодержца, он был готов, во всяком случае, на словах, пойти на это. И тут все решили выстрелы Каракозова 4 апреля 1866 года. Теперь любые либеральные реформы могли быть расценены как трусливая реакция царя на это покушение. Тем более что стрелял в Александра II дворянин, которому помешал совершить убийство крестьянин.

В народе прошел слух, будто царя-Освободителя хотели убить дворяне в отместку за отмену крепостного права. Однако в адрес Александра II поступило множество восторженных адресов от дворянских и земских собраний с изъявлением полнейшей преданности престолу и восторга по поводу чудесного спасения императора. Так что путь либеральных реформ не был отвергнут. Шефом корпуса жандармов и начальником III отделения (органа политического надзора и сыска) был назначен граф П.А. Шувалов. Этот государственный деятель был приверженцем западного пути развития России, по типу английской конституционной монархии.

О том, какие настроения преобладали тогда среди интеллектуальной отечественной элиты, можно судить по выдержке из работы известного экономиста академика В.П. Безобразова «Война и революция. Очерки нашего времени» (М., 1873):

«Более чем когда-либо прежде входит во всеобщее сознание старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасения народов от всяких насильственных переворотов. На этом пути впереди всех государств, и во всем подавая пример, неустанно работает Англия, хотя сама, несмотря на постоянные беспорядки в Ирландии, наиболее обезопасенная от всякой революционной смуты. Реформа следует за реформой, одна другой радикальнее в этой счастливой стране, нисколько политически не изживающей и нисколько политически не разрушаемой пролетариатом, вопреки давнишним предсказаниям всех континентальных радикалов...

Всего же замечательнее, что предлагаются и приводятся в исполнение в Англии конституционные преобразования под влиянием политических идей, выросших на континенте Европы и доселе чуждых всем национальным и историческим преданиям Великобритании».

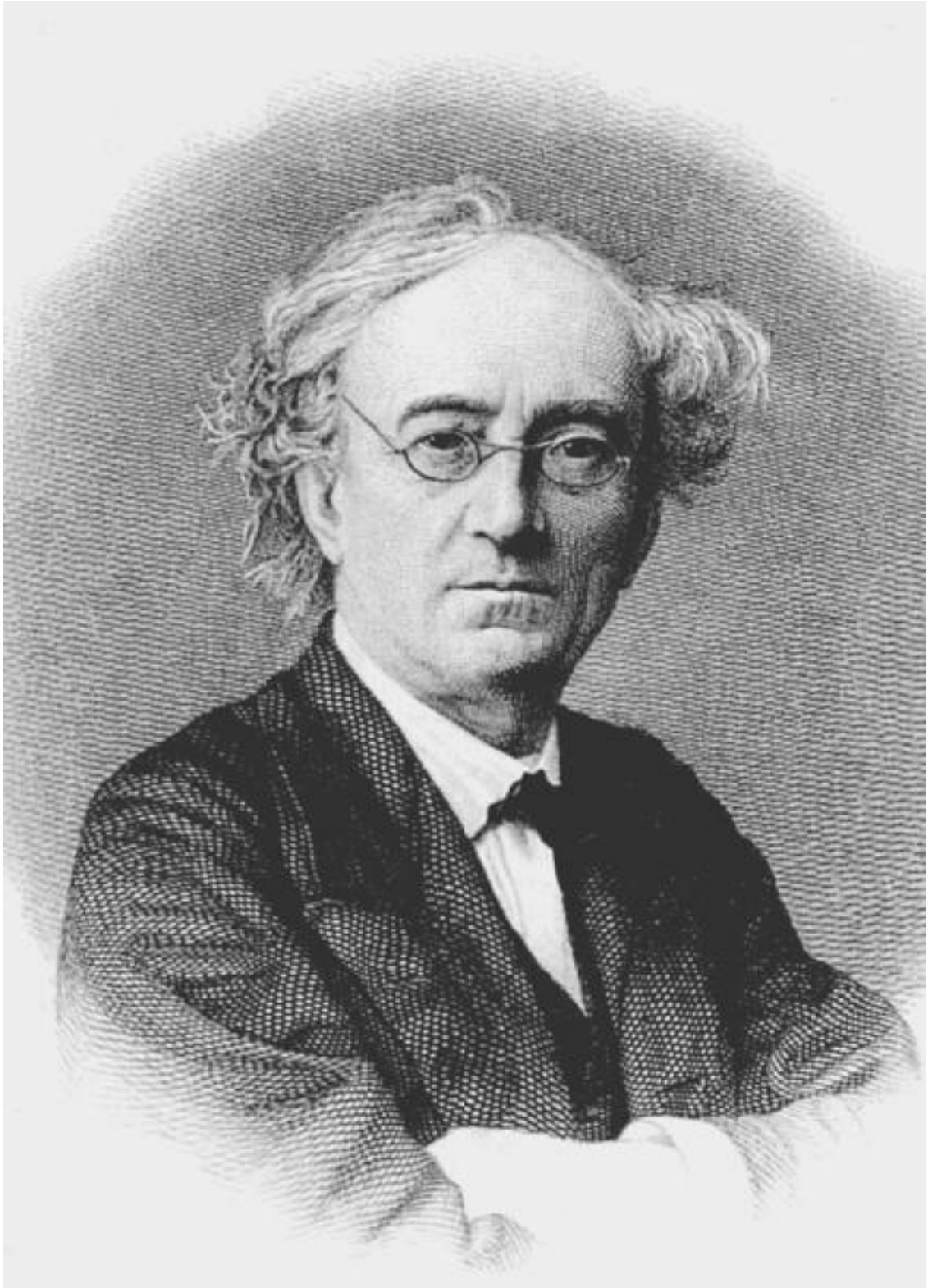
Почему бы Александру II не согласиться с такими доводами? Почему он с маниакальным упорством держался за самодержавную власть? Ведь она доставляла ему не только множество постоянных забот, но и представляла угрозу его жизни? Неужели он был столь недалек, глуп и упрям?

Судя по всему, его упорство объяснялось просто: он опасался дестабилизации российского общества при ослаблении верховной власти. Даже чисто теоретически В.П. Безобразов был прав лишь отчасти. Англия к тому времени была промышленно высокоразвитой страной с достаточно мощным классом буржуазии, выработавшим свои методы подавления в зародыше – не обязательно силой, а чаще подкупом и некоторыми уступками – революционных выступлений пролетариата.

Вообще для России вряд ли приемлем путь подражания какой-либо стране. Она уникальна по размерам, географическому положению, природным условиям, истории развития, национальному составу, народным традициям... Разве можно этого не учитывать?

Царю предлагали поделить власть с дворянской аристократией. Но разве не ясно, что в таком случае дворяне постараются упрочить свое господствующее положение, не только политическое, но и экономическое? За счет кого? В конечном счете, безусловно, за счет народа. Следовательно, Александр II выступал, хотя бы отчасти, защитником российского народа от жестокой эксплуатации со стороны дворянства. В этом смысле самодержавие осуществляло принцип «народности» (конечно же, не народовластия).

Есть и другой аспект проблемы, на который нередко ссылался Александр II в беседах со своими вельможами. Отсутствие сильной центральной власти всегда грозило России распадом, расчленением. Именно в этом были заинтересованы ее многочисленные зарубежные недруги, включая Англию.

Тютчев Ф.И.

Об этой ненависти к России западных держав, скрывающих ее под маской радетелей за демократию и права человека, написал под впечатлением Крымской войны Федор Тютчев в октябре 1854 года:

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Сильная Российская держава вызывала опасение и скрытую, а то и открытую неприязнь прежде всего ее западных «конкурентов» на мировой арене. А потому именно на Западе поддерживали революционное движение, которое в середине XIX века набирало силу в России.

Интеллигенты творят «народную расправу»

26 ноября 1869 года газета «Московские ведомости» опубликовала сообщение: «Два крестьянина, проходя в отдаленном месте сада Петровской академии около входа в грот, заметили валяющиеся шапку, башлык и дубину; от грота кровавые следы прямо вели к пруду, где подо льдом виднелось тело убитого, опоясанное черным ремнем и в башлыке... Тут же найдены два связанные веревками кирпича...»

Через два дня последовало дополнение: «Убитый оказался слушателем Петровской академии, по имени Иван Иванович Иванов... деньги и часы, бывшие при покойном, найдены в целости; валявшиеся же шапка и башлык оказались чужими. Ноги покойного связаны башлыком, как говорят, взятым им у одного из слушателей Академии, М-ва; шея обмотана шарфом, в край которого завернут кирпич; лоб прошибен, как должно думать, острым оружием».

20 декабря в газете впервые появилось имя С.Г. Нечаева как организатора и участника студенческих беспорядков сначала в Петербурге, а теперь и в Москве. Через пять дней его назвали организатором убийства Иванова. Но его уже не было в России. Он скрылся в Швейцарии.

Были арестованы сообщники Нечаева по убийству и практически все участники организации «Народная расправа». Суд над ними начался 1 июля 1871 года, а через две недели был вынесен приговор. На суде и в прессе мнения о личности Нечаева высказывались почти исключительно отрицательные, но в широчайшем диапазоне: от Хлестакова до дьявола, с объединяющим все многоликим Протеем. Кто-то называл его личность демонической, кто-то легендарной.

Те, кто его знал, отзывались тоже по-разному. Один из свидетелей подчеркивал его цинизм и скептицизм. Некоторые подсудимые признавали в нем человека необыкновенного, увлеченного идеей, преданного своей цели и не имевшего личной вражды ни к кому.

Участник «Народной расправы» вспоминал: «Вскоре после того, как мы дали согласие, Нечаев начал запугивать нас... властью и силою комитета, о котором он говорил, что будто он существует и заведует нами. Так, один раз Нечаев пришел к нам и сказал, что сделалось комитету известно, что будто кто-то из нас проговорился о существовании тайного общества. Мы не понимали, каким образом могло это случиться. Он сказал: „Вы не надейтесь, что вы можете притворяться и что комитет не узнает истины: у комитета есть полиция, которая очень зорко следит за каждым членом”. При этом он прибавил, что если кто-нибудь из членов проговорится или изменит своему слову и будет поступать вопреки распоряжениям тех, кто стоит выше нашего кружка, то комитет будет мстить за это».

Надо заметить, что выше кружка стоял только один Нечаев. Он же олицетворял мифический и всеведущий комитет. Возможно, это подозревал его «подчиненный» Иван Иванов, пожелавший выйти из «Народной расправы». Во всяком случае, он не захотел участвовать в тайной организации, нацеленной на террор.

И тогда Нечаев решил устроить показательную казнь, представив Иванова отступником и предателем, желающим выдать властям заговорщиков. Вряд ли сам Нечаев верил в это. Придуманная и разработанная им акция преследовала главную цель: связать всю эту «пятерку» (ячейки организации состояли из пяти человек) кровью, преступлением. Были одна жертва и четыре убийцы, не считая самого руководителя.

Алексеевский рavelин

Имея револьвер, Нечаев мог застрелить Иванова. Однако он этого не сделал. Для него важно было, чтобы в преступлении принимали участие все четверо товарищей жертвы. Так и произошло. Можно только удивляться силе внушения, которую продемонстрировал Нечаев. Он смог превратить вполне добропорядочных, образованных и незлобных молодых людей в жестоких убийц своего товарища, которого они знали дольше и лучше, чем своего вождя.

Безусловно, был Нечаев злодеем, лжецом и подлецом, но уж никак не Хлестаковым, как называли его некоторые журналисты. Это была фигура не жалкая и комическая, а сильная и трагическая.

Когда швейцарская полиция передала его как уголовного преступника российским властям, Бакунин написал Огареву, что Нечаев «на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера».

Так и вышло. Находясь в Александровском рavelине, Нечаев смог привлечь на свою сторону некоторых охранников, стремясь подготовить побег. Мог ли осуществиться его план, остается только гадать. Но сам факт успешной пропаганды говорит в его пользу.

Нечаеву даже удалось передать записку на волю (с помощью охраны!). Вера Фигнер вспоминала, с каким чувством она читала это послание:

«Удивительное впечатление производило это письмо: исчезло все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева, – пролитая кровь невинного, денежные вымогательства, добывание компрометирующих документов с целью шантажа, все, что разворачивалось под девизом „цель оправдывает средства“, вся та ложь, которая окутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долголетнем одиночестве застенка; оставалась воля, не согнутая всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочтено обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: „Надо освободить!“»

Однако все силы Исполнительного комитета в то время были направлены на то, чтобы организовать успешное покушение на царя. А в конце 1881 года план побега был раскрыт властями благодаря предательству Л.Ф. Мирского.

Этот человек, причастный к революционному движению, предложил руководителям «Земли и воли» свои услуги для убийства шефа жандармов А.Р. Дрентельна, кстати сказать,

особыми злодеяниями не отличавшегося. С этой целью Мирский стал изображать светского хлыща (такая роль ему нравилась). Он гарцевал на лошади по главным улицам Петербурга и вместе с А.Д. Михайловым и Н.А. Морозовым вел наблюдение за проездами Дрентельна. 13 марта 1879 года Мирский выстрелил в него, проезжавшего в карете, но промахнулся бежал, в Таганроге вел пропаганду среди военных, был схвачен, оказал вооруженное сопротивление при аресте. Его приговорили к смертной казни. По его прошению о помиловании ее заменили бессрочной каторгой. Помещенный в Петропавловскую крепость, он узнал о планах Нечаева совершить побег и выдал его начальству. За это получил послабление в режиме содержания, вскоре стал ссыльным (умер в 1919 году).

Нечаева совершенно изолировали и держали на жестоком тюремном режиме, доведя до смерти (что в те времена частенько случалось с политическими преступниками). Было ему тогда 35 лет.

Как бы ни относиться к Нечаеву, но в целеустремленности и силе воли, таланте агитатора и организатора ему отказать нельзя. Когда осенью 1869 года он вернулся в Россию из-за границы, где скрывался от полиции как активный участник студенческих волнений, то с прежним энтузиазмом принялся призывать молодежь к политическим демонстрациям. Один из видных народников, О.В. Аптекман свидетельствовал: «Нечаев говорит сильно, убедительно. Силою и мощью веет от него, но в нем что-то отталкивающее, демагогическое».

Пользуясь наивностью, горячностью и плохим знанием народа студентами, Нечаев уверял их, что после 19 февраля 1870 года начнется всеобщий крестьянский бунт. Тогда, через 9 лет после отмены крепостного права, крестьянину была предоставлена возможность выбора: оставаться на месте и пользоваться землей, но и нести повинность в пользу помещика; или выкупить у помещика земельный надел; или бросить все и уехать «на волю». Возникли опасения, что мужики вообразят, будто теперь им дарована царем воля и начнется бесплатная раздача земли, которая ведь не господская и не царева – Божья. А убедившись, что их «обманули», взбунтуются бывшие крепостные по всей России...

Так уверял Нечаев студентов и находил у них отклик несмотря на то что народники, в частности, чайковцы, предлагали сначала ознакомиться с жизнью крестьян, с обстановкой в деревне и вести осторожную пропаганду, избегая призывов к бунту. Но, как писал Аптекман: «У Нечаева много сторонников, бороться с ним становится труднее и труднее». И все-таки, несмотря на противодействие не только властей, но и революционеров, которые не придерживались крайних взглядов, Нечаеву удалось создать свою тайную организацию, хотя сначала и малочисленную.

На студенческих сходках происходили словесные схватки между сторонниками и противниками нечаевщины. Об одной из таких дискуссий рассказал Иосиф Денекер, приехавший из Астрахани в Петербург поступать в Технологический институт. По его словам, собрались около ста человек. Обсуждался вопрос о необходимых действиях для того, чтобы исправить «неудовлетворительное положение дел в России».

В споре определилось две позиции. Одни утверждали: «Помочь страждущему народу можно лишь распространением образования». Другие возмущались такой «мягкотелостью» и кричали, что сначала надо «перерезать всех министров». Естественно, к общей точке зрения не пришли. Каждый самостоятельно решал, как следует поступить. В частности, Денекер после некоторого замешательства и «брожения ума» пришел к выводу, что ему следует примкнуть к распространителям общественно-политической литературы. Но были среди молодежи «горячие головы», готовые идти на крайние меры и осуществлять революционный террор.

...«Народная расправа» была болезненным аппендиксом революционного движения и нанесла ему сильный удар «изнутри». Общественное мнение было, естественно, на стороне жертвы, а также существующей власти.

Суд над ее участниками был первым гласным политическим процессом в России. Его широко и подробно освещала пресса. Принципы и методы организации, созданной Нечаевым, были гневно осуждены не только консерваторами, но и большинством сторонников решительных преобразований государства Российского.

В то же время это была, можно сказать, шумная антиреклама революционной деятельности по принципу славы Герострата. Как бы ни осуждали деятельность Нечаева, важно, что ее обсуждали. Да и мнения могли расходиться. Ведь всем было ясно, что правительственные органы стараются всячески опорочить революционеров.

Отметим: до сих пор многие враги революционеров огульно обвиняют их в аморальности, жестокости, терроризме, диктаторских наклонностях, исповедовании принципа «цель оправдывает средства», то есть в нечаевщине. Действительно, среди революционеров встречались подобные личности. Но они составляли абсолютное меньшинство. Тем, кто в этом сомневается, советую познакомиться с биографиями некоторых наиболее знаменитых идеологов русского революционного движения второй половины XIX века (глава 6).

Трагический опыт «Народной расправы» свидетельствует, помимо всего прочего, о том, что в обществе (не только российском) наибольшую склонность к террору демонстрируют не народные массы, а более или менее образованное мещанство, горожане, чрезмерно активные политические деятели. Так было, в частности, и во время Великой французской революции.

Прогнозы Нечаева и надежды некоторой части революционной молодежи на восстание народных масс в 1870 году не оправдались. Ничего особенного в этом году не произошло.

Ну а если бы действительно начались крестьянские бунты? Нетрудно догадаться, что и в этом случае члены тайного общества «Народная расправа» ничем не смогли бы помочь восставшему народу, с которым у них не было никаких связей.

«Бесы» революции

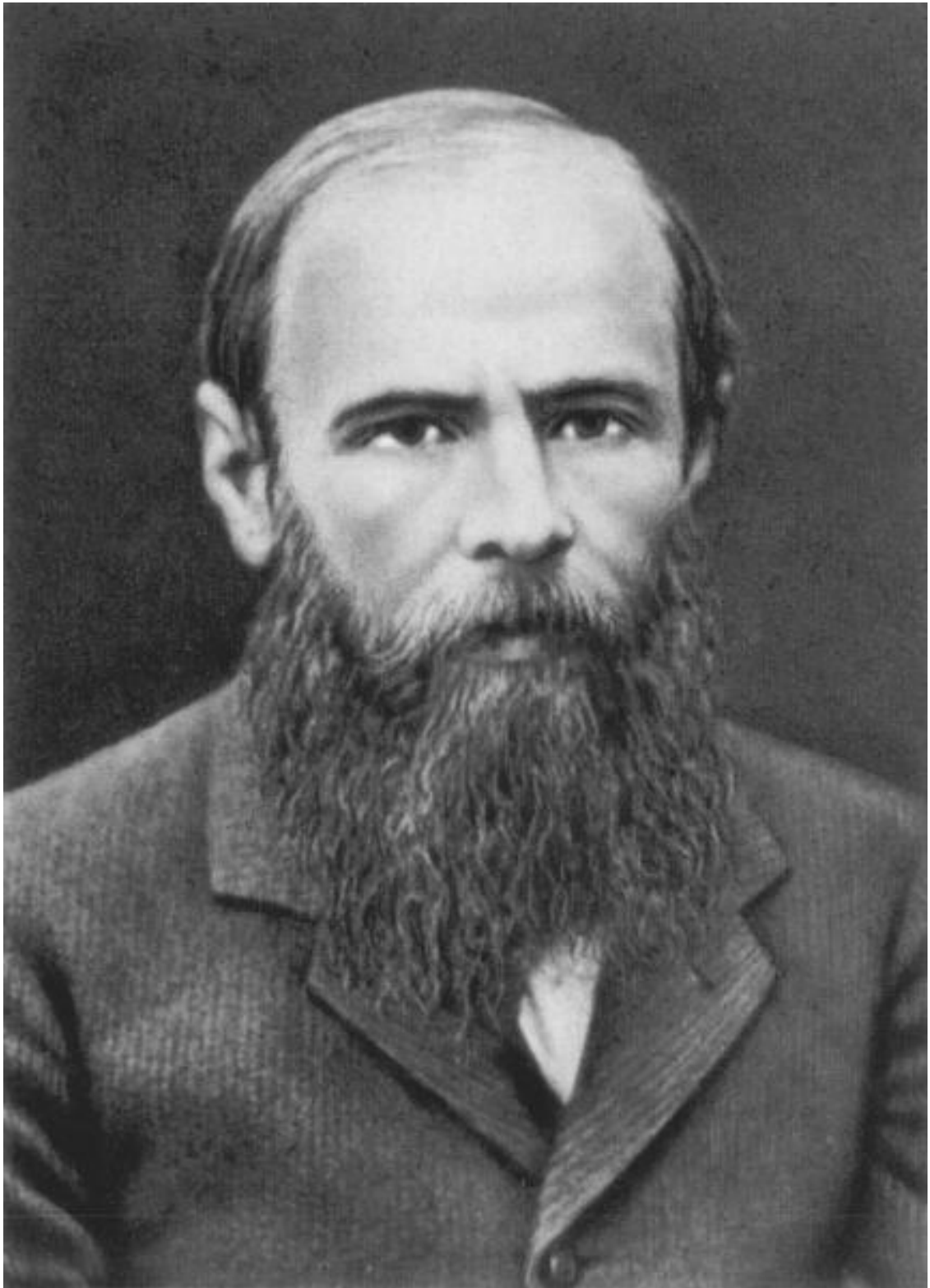
«Нечаевское дело» подвигло Ф.М. Достоевского на создание романа «Бесы». О нем следует сказать особо, как о наиболее ярком произведении, направленном против революционеров (тем более с позиций того, кто сам был в их рядах и пострадал за это).

Характерны два эпиграфа к роману. Из Евангелия – о том, как бесы по воле Иисуса из безумца вошли в свиней, которые бросились в озеро и утонули. И из стихотворения «Бесы» А. Пушкина:

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...

Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

И название романа, и эти эпиграфы вводят в заблуждение. Вольно или невольно читатель настраивается на восприятие революционеров как бесовского отродья или как стада взбесившихся свиней. В действительности произведение Достоевского – не политический памфлет, растянутый на 600 страниц. Под злободневным поверхностным слоем романа обнаруживаются глубокие идейные пласты.

Достоевский Ф.М.

«Нет, – писал по этому поводу религиозный философ Сергей Булгаков, – здесь “Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердца людей”, и потому-то трагедия “Бесы” имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе зерно бессмертной жизни, луч немеркнущей истины, как все великие и подлинные трагедии, тоже берущие себе форму из исторически ограниченной среды, в определенной эпохе».

Один из героев романа, раскаившийся революционер, на вопрос, «для чего было сделано столько убийств, скандалов и мерзостей», ответил, повторяя идеи сторонников Нечаева:

«Для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того чтобы всех обескуражить и из всего сделать кашу, и расшатавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циничское и неверующее, но с бесконечною жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самосохранения – вдруг взять в свои руки, подняв знамя бунта и опираясь на целую сеть пятерок, вербовавших и изыскивавших практически все приемы и все слабые места, за которые можно ухватиться».

Но из этого же романа следует, что идеи социализма действительно захватывают некоторых людей до глубины души, ибо в этих идеях и в этих людях есть благородство и правда, стремление к счастью не личному, а всеобщему. Ради этих высоких целей идет молодежь в тайные революционные организации. И эту тягу ни репрессиями, ни увещаниями не остановишь.

Достоевский в молодости и сам принадлежал к группе, которую власти сочли тайной революционной организацией, приговорив ее участников к смерти. Их вывели на плац и подвергли жестокому духовному истязанию, инсценировав неминуемую казнь и лишь в последний момент отменив ее. И все это совершалось над теми, кто ничего не украл, никого не ограбил, убийств не совершал и даже не планировал. Эти люди всего лишь читали и обсуждали запрещенную литературу!

В данном случае, как в ряде других, царское «правосудие» было жестоким и несправедливым. Уже одно то, как оно пыталось искоренить даже более или менее безобидные ростки свободомыслия и политической оппозиции (весьма слабой), свидетельствует против такой власти.

Ведь эти революционеры, включая Федора Михайловича, вовсе не были обуяны бесами! Более того, даже тех, кто организовал террористические акты, включая царевубийство, причислять к нечистым нет никаких оснований. Среди них было немало достойных людей. В том, что они не признавали самодержавия, можно усмотреть заблуждение (с монархических позиций) или роковую ошибку, но только не бесовщину. Они не могли бы сетовать: «Сбились мы, что делать нам?» Напротив, твердо верили в благо своего пути – не для себя, а для многих других людей, для всего общества.

У Достоевского прототипом главного героя романа – Сергея Верховенского – послужил Сергей Нечаев, действительно стремившийся верховодить. Однако Федор Михайлович в своем дневнике написал: «Лицо моего Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева». Да и другие образы революционеров представлены не просто обобщенно или типизированно, а еще и утрированно. В этом проявилась не злая воля автора, а его характер и творческий метод. Как признавался он в письме А.Н. Майкову: «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная. Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил».

Роман «Бесы» в этом отношении не стал исключением. Преувеличений здесь немало, и они относятся главным образом к изображению революционеров, а также изложению их идей. И то, и другое поистине доведено до крайности. Вот как характеризует план тайной организации Верховенский, соглашаясь с идеями члена его кружка Шигалева:

«У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями – вот шигалевщина!.. Без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства...»

В данном случае автор романа говорит не от своего имени и даже отчасти не от имени главного героя. Но в любом случае получилась пародия на идею равенства, которая не пользовалась успехом среди реальных революционеров. Ведь речь обычно идет не о поголовном равенстве всех и во всем, что невозможно по самым разным причинам, вплоть до физиологических. В действительности равенство обычно понималось как предоставление более или менее одинаковых возможностей для образования, получения работы и должностей, высказывания своих убеждений и т. п. В царской России такого равенства не было. А в рабстве даже крепостные, между прочим, не были равны.

Вот еще одно высказывание Верховенского, с которым не согласились бы практически все революционеры: «Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве». Но тут же он признается: «Я нигилист, но люблю красоту». И еще: «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха!»

Вот этих знаменательных оговорок обычно и не замечают, не желают замечать враги революционеров. А они ясно показывают: Верховенский не только по происхождению и образу жизни, но и в идейном отношении не соответствует Нечаеву. Даже принцип «цель оправдывает средства» совершенно чужд Верховенскому, упоенному стремлением к личной власти, но в то же время готовому пресмыкаться перед более сильным: «Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» Ничего подобного Нечаев не говорил даже знаменитому Бакунину, которого сумел очаровать.

Литературный герой фактически совершенно не похож на свой прототип. Хотя есть одно исключение: организационные способности. В этом отношении сходство имеется.

Писатель верно оценил одну особенность руководителя «Народной воли»: подобно Верховенскому он был едва ли не идеальной фигурой для организации тайного революционного общества, нацеленного на разрушение и террор. Судя по высказываниям людей, знавших Нечаева, он был чрезвычайно целеустремлен, смел и остроумен, хитер и подозрителен, обладал сильной волей, верил в себя и свою правоту, не имел душевных привязанностей и материальных ценностей, умел подчинить себе одних и добиваться расположения других. Его недостатки – самоуверенность, презрение к другим, деспотизм, пренебрежение нравственными нормами – были весьма кстати для руководителя секты заговорщиков.

Но есть принципиально важное отличие героя романа от Нечаева. Первый принадлежал к привилегированному сословию, отцом его был историк-гуманист, публицист, западник. Второй, напротив, в детстве и юности пережил немало тягот и унижений, на собственном опыте убедился в вопиющей несправедливости существующего общественного устройства. Нечаев ни в коей мере не заимствовал своих разрушительных убеждений откуда-то извне и уж никак не из теорий Маркса. Он возрос именно на отечественной почве. Можно считать, что это был сорняк или даже ядовитое растение, но нет сомнения, что отражало оно особенности русской действительности, настроения некоторой, пусть и небольшой части русского народа.

По словам литературоведа Н. Будановой, роман «Бесы» задуман «как политический памфлет на современных нечаевых и их „отцов” – либералов-западников 1840-х годов...». Это распространенное мнение требует уточнений. Во-первых, Достоевский писал памфлеты в «Дневнике писателя», и для таких целей вряд ли кто-либо затеет сочинять обширный роман. Писатель проводил, на мой взгляд, литературно-художественное расследование революционного движения в России. И самое главное, либералы-западники вовсе не были духовными отцами нечаевых.

Два основных революционных вождя, выведенных в романе – Верховенский и Ставрогин, – можно сказать, «с жиру бесятся» и, уж во всяком случае, не от голода или оскорбленного и униженного собственного достоинства становятся революционерами. Они подобно

Достоевскому в молодости и его товарищам по кружку Петрашевского были дворянами и ориентировались на западные идеи.

Про Нечаева или, скажем, Бакунина этого никак нельзя сказать. Вот что необходимо уяснить.

И еще одно важное обстоятельство: тайное общество заговорщиков, построенное по принципу жесточайшей дисциплины, беспрекословного повиновения руководителям и стремящееся исключительно к разрушению без представления о последующих преобразованиях, которое стремился создать Нечаев, не укоренилось в России. Оно оказалось чуждым революционно настроенной русской молодежи.

В пространном письме к Нечаеву (2 июня 1870 года) Бакунин, узнавший о его преступлении, а также лжи и прочих мерзких поступках, отверг напрочь его методы: «Не подлежит сомнению, что Вы наделали много глупостей и много гадостей, положительно вредных и разрушительных для самого дела. Но несомненно для меня также и то, что все ваши нелепые поступки и страшные промахи имели источником не ваши личные интересы, не корыстолюбие, не славолубие и не честолубие, а единственно только ложное понимание дела. Вы – страстно преданный человек; Вы – каких мало; в этом Ваша сила, Ваша доблесть, Ваше право. Вы и Комитет Ваш, если последний действительно существует (об этом всероссийском Комитете Нечаев солгал. – *Р.Б.*), полны энергии и готовности делать без фраз все, что Вы считаете полезным для дела, – это драгоценно. Но ни в Комитете Вашем, ни в Вас нет разума – это теперь несомненно. Вы как дети схватились за иезуитскую систему... позабыли в ней самую суть и цель общества: освобождение народа не только от правительства, но и от Вас самих. Приняв эту систему, Вы довели ее до уродливо-глупой крайности, развратили ею себя и опозорили ею общество...»

В этом письме Бакунин демонстрирует свою искренность, благородство и наивность. Ведь Нечаев не только подло его обманывал, но и был, судя по всему, не лишен таких качеств, как властолюбие и честолубие. Бакунину трудно было это понять еще и потому, что сам этих пороков не имел. Но для нас в данном случае важно иметь в виду другое. Поведение Нечаева, его попытка создать тайное общество на тех началах, о которых позже писал в «Бесах» Достоевский, полностью провалилась именно потому, что не нашла отзвука в душах русских революционеров – даже таких экстремистов, как Михаил Бакунин.

Политические убийства

Покушения на крупных государственных чиновников как метод революционной борьбы начались в России с выстрела в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Но это объяснялось не кровожадностью террористов нечаевского типа и даже не желанием расшатывать общественные устои или «пробудить народ». Таков был ответ на унижение человеческого достоинства, глумление над заключенным.

Предыстория этого события такова. В июле 1877 года Трепов осматривал тюрьму и, выйдя во двор, увидел, что арестанты вышли на прогулку не поодиночке, а группами. Он сделал выговор смотрителю. В это время проходивший мимо Александр Боголюбов (его действительная фамилия была Емельянов) сказал, что все они осуждены и сговариваться им не о чем. Трепов повернулся к нему и закричал: «Шапку долой!» Боголюбов медлил. Обозленный градоначальник стал подпрыгивать, стараясь сбить с высокого арестанта шапку, но это ему не удалось. Тогда он крикнул: «Розги!» Боголюбова схватили, поволокли в карцер и произвели экзекуцию.

Заключенные принялись колотить в окна и двери, кричали: «Мерзавец Трепов! Палач! Вон, подлец!» Надзиратели стали врываться в камеры и жестоко избивать арестантов, бросали их в карцер.

Для тех читателей, которые полагают, будто в царской России процветала гуманность, можно добавить: А.С. Емельянова приговорили к 15 годам каторжных работ за участие в демонстрации перед Казанским собором в Петербурге. Полицейские избили его, а при обыске нашли револьвер. Тогда Емельянову было 23 года. Он входил в организацию «Земля и воля». После девяти лет каторги он сошел с ума.

Избиение политических заключенных, издевательства над ними не имели никаких законных оснований, что было отмечено даже прокурором судебной палаты. Но его записка дальше министра юстиции не пошла, виновные не были наказаны, а о случившемся пресса хранила молчание. В ответ на эту акцию Трепова группа народолюбцев готовила на него покушение. Однако их опередила Вера Ивановна Засулич – из дворян, дочь капитана.

Она прониклась социалистическими идеями в Москве, посещая в конце 60-х годов собрания кружка народников под руководством Н.И. Ишутина. Он создал тайное общество «Организация», в которое входил Д.В. Каракозов, поплатившийся жизнью за покушение на царя. В том же 1866 году Ишутина приговорили к бессрочной каторге, где он и умер через 12 лет, не дожив до сорокалетнего возраста.

Веру Засулич пытался вовлечь в «Народную расправу» Нечаев, но она не согласилась. В начале 1878 года она приехала в Петербург с подругой М.А. Коленкиной, которая готовилась совершить покушение (оно не удалось) на прокурора Желяховского, обвинителя на «процессе 193».

24 января 1878 года Вера Засулич пришла на прием к столичному градоначальнику (он вышел с целой свитой). Когда он подошел к ней, она быстро вынула револьвер и нажала курок. Осечка! Опять нажала – выстрел! Она бросила револьвер на пол. На нее набросилась охрана, свалила и стала избивать. Перевели в комнату, усадили на стул. Связали сзади руки полотенцем. Жандарм, поставив у нее по бокам двух солдат со штыками на винтовках, предупредил перед уходом:

– Берегитесь, они и ножом пырнуть могут!

Удивленные солдаты только пожали плечами. Один солдат шепнул ей на ухо:

– Где это ты стрелять выучилась?

– Невелика наука, – ответила она.

– Училась, да недоучилась, – сказал другой солдат. – Плохо попала-то!

– Не скажи, – возразил первый, – слышать, хорошо попала, будет ли еще жив.

Трепов был ранен в живот и остался жив. Большинство горожан относились к нему плохо. Он позволял себе самоуправство в делах города и был нечист на руку. По свидетельству известного адвоката А.Ф. Кони, «сочувствия к потерпевшему не было, и даже его седины не вызвали особого сожаления к страданиям».

В агентурном донесении от 25 января 1878 г. отмечалось: «Нельзя умолчать о том странном обстоятельстве, что хотя происшествие с Треповым и служит предметом разговоров целого города и многие из любопытства осведомляются о состоянии его здоровья, но решительно не замечается, чтобы постигшее г. градоначальника несчастье было предметом особенного соболезнования со стороны жителей столицы. Вообще этот случай вполне выяснил, что в петербургском населении число сочувствующих г. градоначальнику очень незначительно».

Судили Засулич как совершившую уголовное преступление 31 марта того же года. Поэтому вердикт вынесла коллегия присяжных заседателей: «Не виновна!» Ее освободили в зале суда, на улице встретила восторженная толпа молодежи. Жандармы попытались задержать ее, но их попытка не удалась. Засулич удалось скрыться и уехать за границу.

Не вполне ясно, почему власти позволили устроить над Засулич суд присяжных, считая ее уголовницей. Возможно, хотели показать Западу, что в России соблюдаются права человека. (В таком «малодушии» обвинил министра юстиции обер-прокурор Синода Победоносцев в письме наследнику престола.) Помимо этого, важно было сделать так, чтобы осуждение террористки произошло гласно и представителями общественности. Тогда можно было бы утверждать, что общественность страны выступает против революционеров и поддерживает царя.

Власти постарались воздействовать на председателя окружного суда А.Ф. Кони. Хотели назначить обвинителями двух наиболее авторитетных прокуроров, но они отказались. Пришлось довольствоваться услугами бесталанного товарища прокурора областного суда. Адвокат П.А. Александров произнес блестящую речь. Но главное, в чем он был абсолютно прав: у обвиняемой не было личных интересов, желания личной мести. Она, рискуя жизнью, выступила в защиту чести и достоинства незнакомого человека, не имея других возможностей выразить свой протест.

Возможно, власти пробовали хотя бы косвенно подсказывать присяжным «нужное» решение. Однако на них несравненно сильнее оказывало давление общественное мнение, которое было на стороне преступницы и против пострадавшего.

Царь, узнав об оправдании Засулич, приказал разыскать и арестовать ее (таким было его понятие о правосудии). К счастью, этого сделать не удалось (в ответ могли произойти серьезные выступления да и престиж царя упал бы слишком сильно).

...Вскоре после выстрелов Веры Засулич в Одессе тайный кружок народника И.М. Ковальского выпустил прокламацию «Голос честных людей». В ней в связи с покушениями Каракозова и Засулич говорилось: «Мы пойдем по следам наших лучших товарищей для уничтожения грабителей русского народа и наших тиранов».

Наиболее активно стали действовать революционеры на юге России. 1 февраля они убили полицейского агента Никонова. Затем произошло несколько покушений на представителей власти. При аресте революционеры в Одессе и Харькове оказывали вооруженное сопротивление жандармам.

Правда, поначалу руководители «Земли и воли» не поддерживали курс на террор, предпочитая пропаганду. Однако в ответ на жестокие репрессии со стороны властей решено было приступить к решительным действиям. После каждого террористического акта выпускались прокламации, объясняющие акцию. На них ставилась печать с изображением пистолета,

кинжала и топора с надписью «Исполнительный комитет Социально-революционной партии».

Кравчинский С.М.

25 мая 1878 года в Киеве днем на одной из оживленных улиц был убит кинжалом барон Гейкинг. Так был приведен в исполнение приговор, вынесенный ему революционерами как

наиболее активному руководителю политического сыска в городе. Убийца – студент Г.А. Попко – скрылся, отстреливаясь от погони.

4 августа народник Сергей Кравчинский в Петербурге на улице заколот кинжалом шефа жандармов Мезенцова. Это покушение подготавливалось долго. Не раз Кравчинский проходил, пряча кинжал, недалеко от Мезенцова. Но решился на убийство лишь после того, как 2 августа был казнен Ковальский. Как и предполагалось по плану покушения, Кравчинский скрылся на проезжавшей в этот момент коляске, запряженной призовым рысаком Варваром, где кучером был его сообщник.

Новый, 1879 год начался новыми выстрелами, главным образом при задержании революционеров. В начале февраля 1879 года в Харькове революционеры-террористы казнили генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина (он приходился двоюродным братом князю-анархисту П.А. Кропоткину). Каких-то особых преступлений, заслуживающих смертной казни, он не совершал. Но террористы-народовольцы, встав на «тропу войны», уже не могли остановиться.

1 марта в Москве был убит кинжалом платный осведомитель охраны Рейнштейн. Через 12 дней произошло покушение (неудачное) на шефа жандармов Дрентельна. 2 апреля Соловьев стрелял в Александра II...

Однако в общественном мнении подобные акции стали расцениваться как излишняя жестокость, которая не сулит ничего хорошего. А у революционеров не оставалось ни сил, ни средств на другую деятельность, кроме террористической. Фактически она стала для них самоцелью, ибо все очевиднее было, что путем массовых революционных выступлений ничего не добьешься. Если желающих «идти в народ» среди молодежи было немало, то стать убийцами, пусть даже из политических соображений, соглашались далеко не все из них.

Революционному террору противостоял государственный террор, организованный в широком масштабе. Активными помощниками многочисленных жандармов, полицейских и их агентов были, в частности, дворники. Скрываться в таких условиях было чрезвычайно трудно. Силы были явно неравными.

Впрочем, мы уже перешли от «эпохи народников», представителей тайного общества «Земля и воля», к следующему этапу революционного движения. Он ознаменовался резким усилением террористической деятельности со стороны новой, строго законспирированной организации – «Народная воля». Речь о ней впереди. А пока проследим начало массового движения народников.

Надо лишь подчеркнуть: переход к целенаправленному террору был со стороны русских революционеров показателем их слабости, а не силы. Они вынуждены были пойти на такие крайние меры, так и не найдя для себя опоры в народе. А усилия для того, чтобы «разбудить» народные массы и поднять их на восстание, были приложены немалые.

«Что нужно народу?»

Летом 1861 года статью с таким названием опубликовал в «Колоколе» Н.П. Огарев. Он дал простой и точный ответ: «Народу нужны земля и воля». Пояснил: «Рассыпавшись по России... молодежь скажет народу... что пришла пора соединяться, чтоб учредить всюду свое управление, выборное и ответственное, – на место казенного, чиновничьего, самовластного. Молодежь скажет народу, что она приносит ему в помощь все средства, которые дала ей наука, и не пощадит для него ни трудов, ни жизни».

Подобные идеи еще раньше провозгласил Н.Г. Чернышевский в прокламации «Барским крестьянам», где содержался призыв к восстанию. А в тот год проходили народные волнения и, казалось, вот-вот грянет крестьянский бунт, новая пугачевщина.

Все началось с эпохального события: 19 февраля были опубликованы манифест и «Положение», отменившие крепостное право. Это вызвало, как говорится в медицине, парадоксальную реакцию. Вместо всенародного ликования в ряде уездов произошли крестьянские волнения. У многих крестьян возникло подозрение, что от них скрывают подлинные указания царя о передаче им земли.

Наиболее крупное выступление произошло в районе села Бездна Казанской губернии. Крестьянин Андрей Петров, один из немногих, умевших читать, ознакомившись с «Положением», стал толковать крестьянам, что помещик их обманывает и не дает «настоящей воли». К нему приходили жители ближайших сел, и сравнительно быстро волнения охватили несколько уездов. Крестьяне отказывались отрабатывать барщину и вносить оброк помещикам, порой грабили помещичьи амбары.

12 апреля в Бездну прибыл с вооруженным отрядом граф Апраксин, генерал царской свиты. Он потребовал выдачи Петрова. Крестьяне отказались, окружив избу своего руководителя. Их было около четырех тысяч. По приказу Апраксина солдаты дали залп в безоружную толпу. Убили 91, ранили 350 человек. Через неделю Петрова расстреляли.

Русское общество было потрясено этими событиями. Многим показалось, что начинается революция (одни это воспринимали с воодушевлением, другие – с опаской, третьи – с возмущением). Студенты Казанского университета и Духовной академии провели панихиду по убитым. Выступивший перед студентами профессор истории А.П. Шапов сказал, что трагедия в Бездне «воззовет народ к восстанию и свободе», закончив речь требованием демократической конституции.

Правительство ввело «временные правила», ограничивая доступ в университеты разночинцам. Запрещались студенческие сходки, отменялось освобождение от платы за обучение нуждающихся студентов. В ответ начались студенческие волнения, а 25 сентября учащиеся Петербургского университета провели первую в России уличную демонстрацию.

Обращаясь к студентам, изгнанным из университетов, Герцен бросил призыв: «В народ! К народу!»

«Однако, – пишет историк В.Н. Гинев, – за все шестидесятые годы известно только примерно полтора десятка пропагандистских попыток. Их малочисленность и эпизодичность говорят о том, что в своей массе русская демократическая интеллигенция в 60-х гг. не была готова к сближению с народом. Ей понадобилось еще какое-то время для революционного саморазвития, для осознания своего долга и своих задач, для выработки способов практических действий».

Более существенно, пожалуй, другое обстоятельство, которое он отметил: «В первое время после отмены крепостного права у значительной части молодежи сохранялась иллюзия, что этот акт улучшил народный быт и положительно повлиял на крестьянское благосостояние».

Но все-таки самое главное, что по-прежнему образованные социальные слои Российской империи были чрезвычайно далеки от народа. Сказывалось не только общественное положение, но и различие в мировоззрении, знаниях, в самой манере излагать мысли. Для «выхода в народ» молодому интеллигенту приходилось становиться ряженым, играть новую для себя роль, едва ли не как артисту, вышедшему на сцену (один из характерных примеров будет приведен ниже).

По-видимому, летом того же 1861 года, во время поездки за границу поэта и редактора сатирической газеты «Искра» В.С. Курочкина при его встречах с Герценом и Огаревым возникла у них идея создания тайного общества «Земля и воля». Оно окончательно оформилось через год. Его организаторами и руководителями в России были, кроме Курочкина, братья Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичи, А.А. Слепцов, Н.Н. Обручев. Большое идейное влияние на них оказывали труды Чернышевского.

О политических взглядах Курочкина можно судить по его стихотворению «Двуглавый орел», опубликованному анонимно в Лондоне в 1857 году. Вот его фрагменты:

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье – эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да никак ты о двух головах!»

Наш брат русский – уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется —
Оттого что о двух головах.

Ну, и спит идиот безголовый
Пред зеркалом, внушающим страх, —
А уж грабит, так грабит здорово
Наш чиновник о двух головах.

Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.
Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двухголовый,
Всероссийский наш орел.

В мае 1861 года вышла прокламация «Молодая Россия» (автор – московский студент П.Г. Заичневский, арестованный за создание революционного кружка). В ней утверждалась неизбежность «кровавой и неумолимой» революции, которая «должна изменить радикально

все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

Как писал позже Дмитрий Мережковский:

Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

Борцы против самодержавия

Осенью 1861 года в Петербурге появилась прокламация «К молодому поколению». В ней молодежи предлагалось бороться с самодержавием, составлять кружки единомышленников, идти к крестьянам, искать союза с солдатами. Написал прокламацию Н.В. Шелгунов при участии М.Л. Михайлова. Последний был арестован, взял всю вину на себя и был осужден на каторгу.

Тогда же тайный кружок «Великорусс» (П.И. Боков, В.Ф. Лугинин) выпустил три листка того же названия. Выдвигались требования передачи крестьянам всей земли, которой они пользовались до реформы, с выкупом «за счет нации» (государства), принятия конституции, установления суда присяжных, свободы слова и печати, устранения сословных привилегий и введения местного самоуправления.

Для решения таких задач предлагалось объединить все оппозиционные самодержавию силы. Но этого сделать не удалось, так же как организовать тайное революционное общество. За распространение прокламаций и участие в «Великоруссе» сотрудник «Современника» В.А. Обручев был осужден на каторгу.

Обострение социальных противоречий и репрессии царского правительства против политических противников самодержавия содействовали созданию и укреплению другой тайной революционной организации – «Земля и воля». В нее вошли некоторые другие общества, в частности, «Великорусс». Когда летом 1862 года арестовали Н. Чернышевского и Н. Серно-Соловьевича, а его брат эмигрировал, руководить «Землей и волей» стали Г.Е. Благодетель и Н.И. Утин. Была организована нелегальная типография. Издали прокламации к народу, войску и «образованным классам». Вышло также два номера листка «Свобода».

Статьи Огарева и Герцена оповещали о программе этого общества, сведения о котором держались в строгом секрете. Во главе его стоял «Русский центральный народный комитет». Его филиалы были во многих крупных городах России. Например, Варшавское отделение насчитывало около 200 человек, преимущественно офицеров. Предполагалось, что, когда в стране начнутся крестьянские волнения (рассчитывали, что это произойдет весной 1863 года), все оппозиционные силы сплотятся вокруг «Земли и воли».

Особой радикальностью программа общества не отличалась. Основные требования сводились к нескольким пунктам: передача за вознаграждение части помещичьих земель крестьянам, замена правительственных чиновников выборными (для борьбы, как теперь говорят, с коррупцией, взяточничеством, самодурством на местах), сокращение расходов на войско и царский двор, участие представителей народа в определении податей и повинностей.

Единства взглядов в обществе не было. Некоторые группы (например, московское отделение) ратовали за ликвидацию монархии, установление республики и национализацию земли. Другие предполагали ограничиться конституционной монархией. По плану Огарева, следовало предъявить правительству требование созыва Земского собора представителей всех сословий при ниспровержении самодержавия, а в случае отказа поднять всеобщее восстание. По признанию Н. Серно-Соловьевича: «У нас такая разногласица, что нет двух человек, согласных в принципах или цели».

Наиболее резко обнаружили разногласия во время польского восстания 1863 года. Одни предлагали выступить на стороне поляков, другие, напротив, считали это предательством интересов России. Сошлись на том, чтобы выразить сочувствие польским повстанцам. Но события в Польше развивались непросто.

«Никогда раньше, – писал Кропоткин, – польскому делу так много не сочувствовали в России, как тогда. Я не говорю о революционерах. Даже многие умеренные люди открыто

высказывались в те годы, что России выгоднее иметь Польшу хорошим соседом, чем враждебно настроенной подчиненной страной... Деньги на восстание собирались по всей России, а в Сибири даже открыто. В университетах студенты снаряжали тех товарищей, которые отправлялись к повстанцам.

Но вот среди общего возбуждения распространилось известие, что в ночь на 10 января повстанцы напали на солдат, квартировавших по деревням, и перерезали сонных. Происшествие... произвело, конечно, самое удручающее впечатление на общество. Снова между двумя народами, столь сродными по происхождению, но столь различными по национальному характеру, воскресла старая вражда...

Но в то же время стало известно, что революционный комитет требует восстановления Польши в старых границах, со включением Украины, православное население которой ненавидит панов и не раз в течение трех последних веков начинало восстание против них кровавой резней.

Кроме того, Наполеон III и Англия стали угрожать России новой войной, и эта пустая угроза принесла полякам более вреда, чем все остальные причины... Наконец, радикальная часть русского общества с сожалением убедилась, что в Польше берут верх чисто националистические стремления. Революционное правительство меньше всего думало о наделении крепостных земель, и этой ошибкой русское правительство не преминуло воспользоваться, чтобы выступить в роли защитников холопов против польских панов.

Когда в Польше началась революция, все в России думали, что она примет демократический республиканский характер и что Народный Жонд освободит на широких демократических началах крестьян, сражающихся за независимость родины... Но ничего подобного не было сделано».

Александр II понял, что, пока местное население поддерживает повстанцев, надеясь на улучшение своей жизни, победить их будет невозможно. Он поступил мудро: распорядился начать «раскрепощение» крестьян с Польши. Как только российские власти начали освобождать здесь крепостных, наделяя их землей, ситуация сразу изменилась. Теперь народ, крестьяне стали помогать ловить повстанцев. «Шляхетский бунт» был подавлен, так и не перейдя в революцию.

События в Польше пагубно сказались на судьбе «Земли и воли», которая в 1860-е годы была крупнейшей тайной революционной организацией в России. Ее погубили не внешние силы «реакции», не репрессии, а внутренние разногласия и понимание того, что о каком-то всеобщем крестьянском восстании остается только мечтать.

Вдобавок ко всему в полиции уже заинтересовались некоторыми активными деятелями «Земли и воли», делая у них обыски и устраивая за ними слежку. В частности, под подозрением находился Курочкин. И хотя он умело скрывал компрометирующие его материалы, в 1867-м ему довелось отсидеть два месяца в Петропавловской крепости.

На некоторое время революционный пыл русской учащейся молодежи поостыл. Однако литература народников продолжала воздействовать на умы. Общие идеи, которые она проповедовала, В.И. Ленин определил так: «Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом...* 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности...* Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев»... 3) *Игнорирование связи “интеллигенции” и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов...*»

В предисловии к сборнику произведений народников «Штурманы будущей бури» Н.И. Якушин, приведя эту цитату Ленина, счел нужным добавить: «Народники понимали, что капитализм является более прогрессивной общественной формацией по сравнению со сред-

невековыми формами хозяйства. Однако считали это положение правильным лишь для западноевропейских стран.

Народники говорили, что в связи с широким распространением в России общинного земледелия, артелей и кустарных промыслов возможен переход к социализму, минуя капитализм. Они были убеждены, что именно община, артель и кустарные промыслы являются зародышем и базисом социализма, хотя общинное крестьянство к тому времени непрерывно распадалось на кулачество и бедноту, община давно уже стала прикрытием для хищнических махинаций деревенских богатеев, захвативших в свои руки бразды правления, а артели и кустарные промыслы все больше капитализировались.

Убеждение в том, что в России существует свой, самобытный экономический уклад, общинный строй, соединялось у народников с верой в возможность построения социализма крестьянством без помощи рабочего класса, без пролетарской революции. Основной революционной силой в России они считали крестьянство, руководимое демократической интеллигенцией».

Такое мнение было достаточно широко распространено у нас в стране и отражало взгляд на ситуацию с позиций марксизма-ленинизма. Однако это мнение следовало бы обдумать критически. Представляется упрощенным стремление объяснять общественные явления главным образом с позиций экономических и социальных (классовых). Не меньшую, а подчас более существенную роль играют факторы духовные, а также связанные с эксплуатацией природной среды и развитием техники.

Относительно «прогрессивности» капитализма Якушин высказался слишком категорично. Не следует превозносить всеобщий общественный прогресс как абсолютное явление. Существовали и существуют периоды упадка и при смене формаций, и в ходе их эволюции. Экономические показатели – еще не критерий истины (утверждение марксистов «бытие определяет сознание» – фраза-перевертыш, смысл которой зависит от того, на какое слово падает ударение; у людей в отличие от животных именно сознание должно преобладать). Развитие одних общественных элементов обычно сопровождается деградацией других. Скажем, технический прогресс пагубно сказывается на природе, а за последние полстолетия и на духовной структуре личности. Власть капитала, денег, богачей не только унижает человеческое достоинство, но и содействует ускоренному развитию именно технической, разрушающей природу и душу цивилизации.

Ленинское положение о том, что Октябрьская революция (или переворот, как подчас писали Сталин и некоторые другие) 1917 года была пролетарской, можно оспорить. Она была, по сути дела, солдатской (а среди них почти сплошь были бывшие крестьяне) под руководством мещан, интеллигентов. И победила только потому, что шла тяжелая война, а буржуазная Февральская революция, свергнувшая царя, оказалась несостоятельной именно из-за недоразвитости капитализма. Другое дело, что в Гражданскую войну позиция русского рабочего класса (и в немалой степени крестьянства) сыграла, возможно, решающую роль.

Идеи народников о своеобразном пути России выглядят не только разумными, но даже актуальными и в наше время. (Вообще особенности нашей страны – размеры и географическое положение, народы, культура, история – определяют ее уникальность.) Тем более что в 1860–1870 годы российский рабочий пролетариат находился, можно сказать, в младенческом состоянии, тогда как в стране абсолютное большинство было за крестьянами.

К сожалению, в то давнее время дискуссии на темы радикальных государственных перемен запрещались правительством. Они проходили в узких кругах интеллигентов. Мне известно, в частности, что отец нашего великого ученого В.И. Вернадского, экономист, статистик и журналист Иван Васильевич спорил с Чернышевским, доказывая ему преимущества частных сельских хозяйств типа хуторов и небольших ферм перед общественными. Однако для природных условий России, как показал опыт и доказали более поздние эконо-

мисты, крупные коллективные хозяйства значительно более продуктивны, чем мелкие частные. Тем более когда происходит индустриализация не только промышленности, но и сельского хозяйства.

Сам факт стремления более или менее обеспеченной учащейся молодежи идти в народ и бороться за права крестьян показывает высокий моральный уровень, совестьливость значительной части русской интеллигенции того времени. Этому способствовала, в частности, великая русская литература. Они исходили из принципа, сформулированного Лавровым: «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем».

Вместо того чтобы поддержать такое движение и придать ему легальный характер при условиях сохранения или мирной эволюции существующего строя (Александр II уже осуществил, в сущности, революционное преобразование, отменив крепостное право), царское правительство решило действовать силой. Оно пошло на обострение борьбы, применяя репрессии.

Брожение среди студенчества усиливалось. Стихийно создавались кружки, в которых шли горячие обсуждения идей социалистов и анархистов, зачитывались различные прокламации. Не следует удивляться тому, что идеи эти приходили с Запада. Ведь в России подобные сочинения были запрещены. Впрочем, это привлекало к ним особый интерес тех, кто желал объективно разобраться в текущей ситуации как в своей стране, так и за рубежом, не удовлетворяясь официальными сообщениями.

Как мы уже говорили, член кружка Ишутина Каракозов стрелял в Александра II. Сначала ишутинцы по примеру героев романа Чернышевского «Что делать?» организовали общину, вели аскетический образ жизни, занимались самообразованием. Они были уверены в необходимости особого общественного устройства России, отличающегося от западных буржуазных демократий. Но и самодержавия они не признавали, уповая на народовластие. А когда поняли, что не имеют никаких шансов осуществить революционный переворот, некоторые из них решились на цареубийство в надежде таким образом потрясти государственные устои.

Однако мужественно настроенные молодые люди, понимавшие безнадежность подобных методов, были полны решимости по мере своих сил способствовать просвещению народных масс, распространять прогрессивные идеи, планомерно подготавливать почву для грядущей революции.

Российское общество и народники

Революции совершаются «сверху», власть имущими, и «снизу», путем народного восстания. В первом случае решительные преобразования осуществляет сам правитель или те, кто его свергают, произведя дворцовый переворот. Во втором случае необходимо поднять массы.

По такому принципу делятся на две группы и революционеры. Одни стараются различными способами, главным образом террором, воздействовать на правящую верхушку. Другие занимаются пропагандой среди различных слоев общества, преимущественно среди учащейся молодежи и трудящихся.

Такое разделение особенно ярко проявилось во время распада «Земли и воли» на две тайные организации: террористическую («Земля и воля») и пропагандистскую («Черный передел»). Но об этом речь еще впереди. А пока обратимся к более раннему периоду и постараемся представить себе, в каких условиях происходило становление народничества.

Как свидетельствовал активный народник Сергей Ковалик: «Под влиянием литературы, с одной стороны, и всего склада русской жизни – с другой, в миросозерцании передовых людей народнические идеи занимали одно из первых мест. Степень идеализации народа находилась, казалось, в отношении прямо пропорциональном со степенью отчужденности интеллигенции от народа, и с ее стороны заметно было страстное желание слиться с народом хотя бы в области идей».

Уже само понятие «народ» предполагает идеализацию, некий обобщенный образ, который не может соответствовать реальности. Наиболее общее, объединяющее людей – принадлежность к миру животных, биологические потребности. Две другие объединяющие: территория обитания (в пространстве) и родство (во времени). Но и эти признаки имеют природный (биологический и географический) характер.

Для людей как существ мыслящих и нравственных важнейший объединяющий фактор – духовная культура, включающая прежде всего язык, моральные ценности, нравы и обычаи.

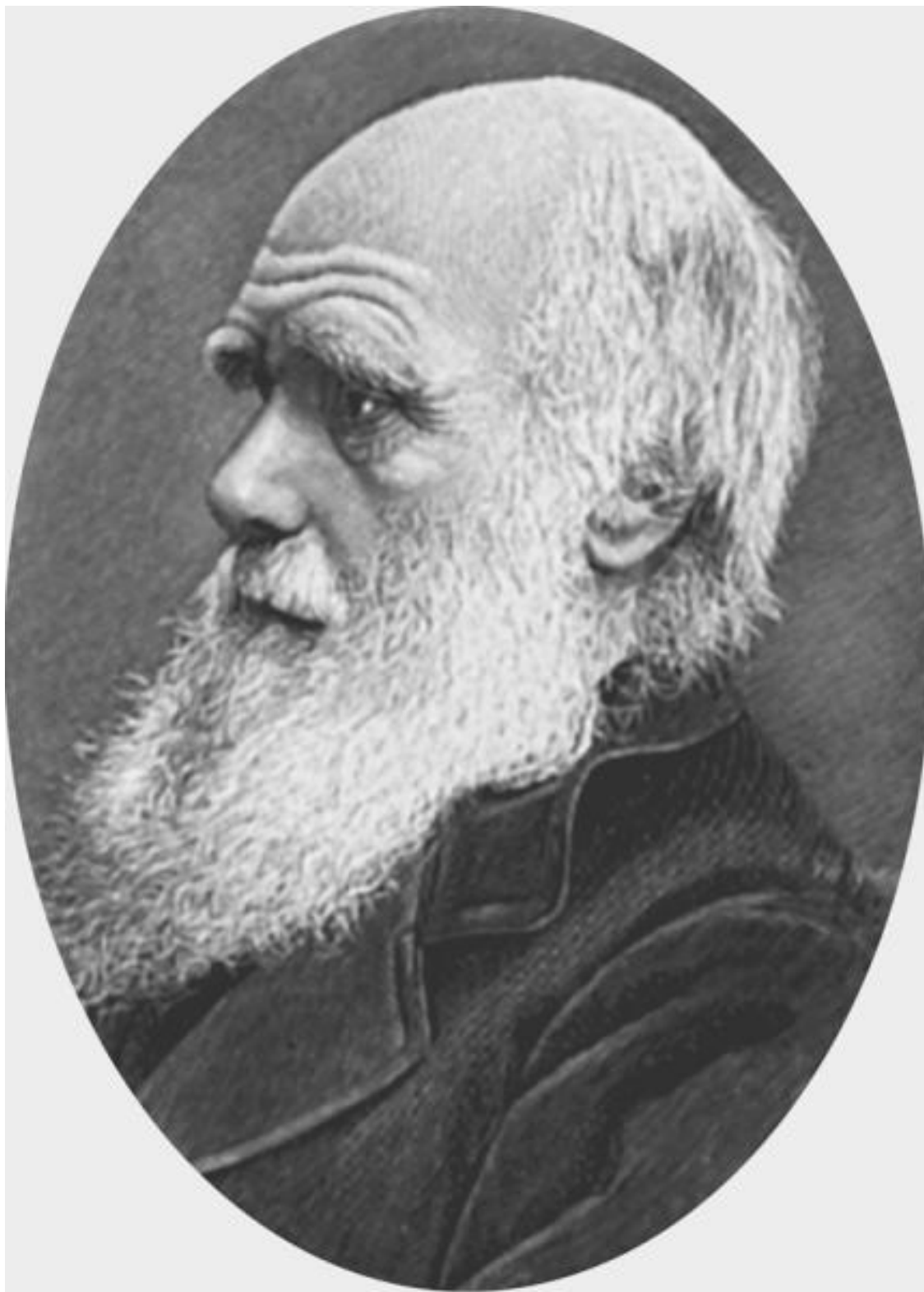
Нередко – особенно в наше время – духовную культуру сводят к религии, понимаемой чрезвычайно узко: как систему обрядов, ритуалов, принадлежность к той или иной церкви, конфессии. В таком аспекте и так называемый научный атеизм тоже следует считать религией со своими катехизисами и пророками. Но так же как формально причисляющий себя к христианам может жить и действовать не по Христу, так же атеист бывает высоко нравственным человеком.

Итак, народ – понятие обобщенное и в значительной степени абстрактное. Вот как о нем отозвался один ученый, вышедший из народной среды. «Основная, главная черта народа, всегда поражавшая меня при долголетнем его изучении, – это то, что, несмотря на бедственное положение и пороки, вызванные нуждой, простые люди отличаются щедростью чувств и сердечной добротой – качествами, чрезвычайно редко встречающимися у людей из богатых классов».

Так отозвался о своих согражданах французский историк Жюль Мишле. Его книга «Народ», изданная в 1846 году, вдохновила наиболее образованных русских народников. Она обосновала главную идею, которую они осуществляли своей деятельностью: стремление интеллектуального, духовного единения образованной части общества (назовем ее условно интеллигенцией) с народными массами.

«Бедняки думают, – писал Мишле, – что достаточно связать богачей тем или иным законом – и вопрос решен, все пойдет к лучшему. А богачи полагают, что, заставив бедняков соблюдать религиозные обряды, отжившие уже два столетия назад, они тем самым укрепляют общество. Ненадежные лекарства! Видимо, люди воображают, что различные каноны,

политические или религиозные, наделены какой-то таинственной силой, могущей заставить всех повиноваться, между тем как влияние этих канонов зависит от того, находят они отклик в сердцах или нет.

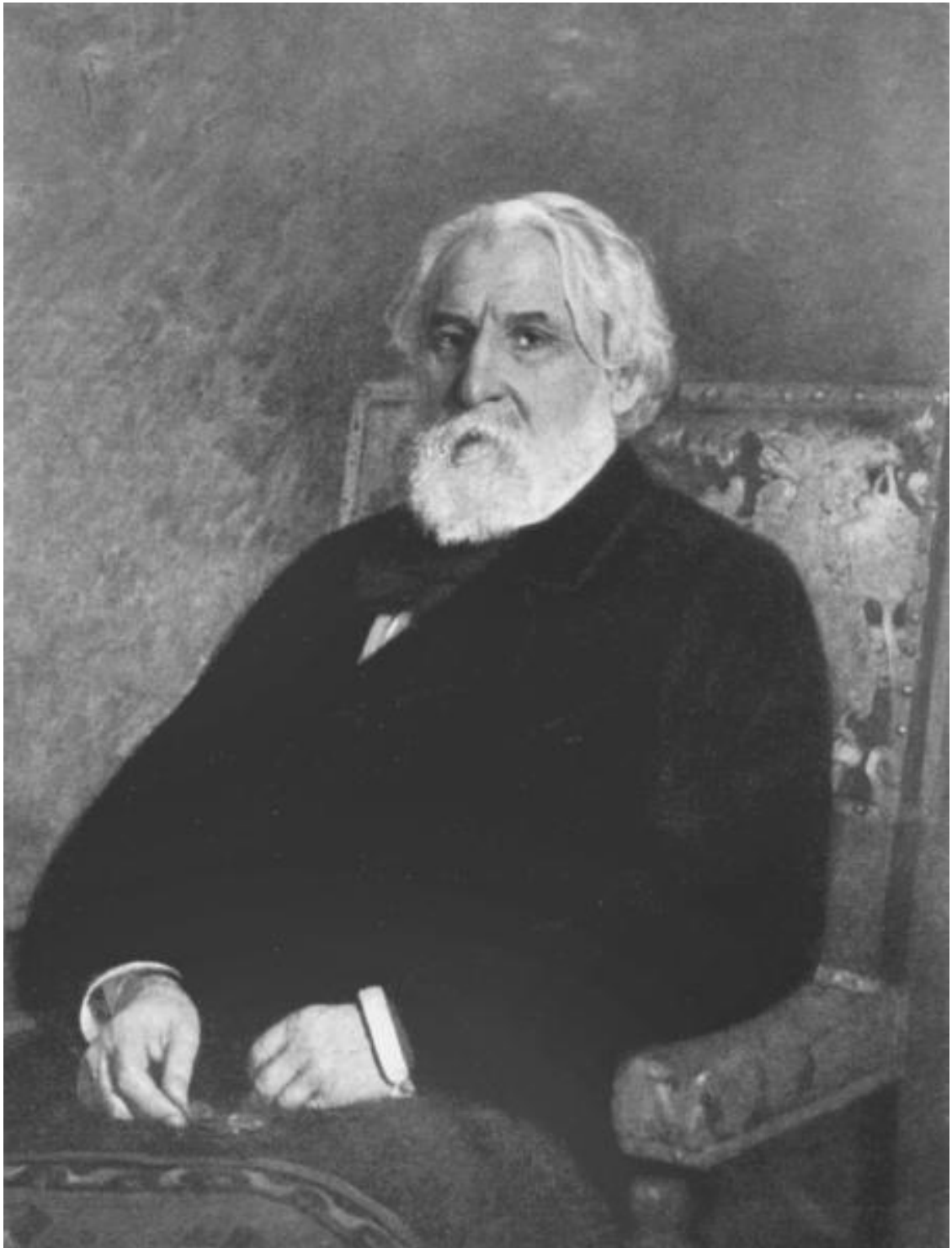

Чарлз Дарвин

Недуг коренится в душах; пусть исцеляющие лекарства ищут там же! Старые рецепты непригодны. Нужно широко раскрыть и сердца, и объятия... Ведь эти люди – ваши братья, в конце концов! Разве вы забыли об этом?»

В середине XIX века в России среди интеллигенции наиболее популярными были книги, преимущественно переводные, по естествознанию. В 1866 году вышли на русском языке классические труды, не устаревшие поныне: «Основные начала геологии» Чарлза Лайеля и «Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы» Георга Марша.

Однако наибольшее впечатление произвела работа Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Д.И. Писарев писал: «Почти во всех отраслях естествознания идеи Дарвина производят совершенный переворот; ботаника, зоология, антропология, палеонтология, сравнительная анатомия и физиология и даже опытная психология получают в его открытиях ту общую руководящую нить, которая свяжет между собой множество сделанных наблюдений и направит умы исследователей к новым плодотворным открытиям».

Тургенев И.С.

Упрощенно понятые идеи Дарвина вдохновили даже социологов. Появилось направление «социодарвинизм», объясняющее жестокую борьбу за существование, конкуренцию, острую классовую вражду и выживание наиболее приспособленных извечными законами природы и общества. (Надо заметить, что сам Дарвин так не считал.)

На подобных знаниях воспитывались народники шестидесятых – начала семидесятых годов. В частности, это относится к таким ученым, как П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, Н.А. Морозов. Затем пришел черед общего увлечения общественными науками, главным образом социологией. Штудировались и обсуждались труды социалистов-утопистов.

Тогда же, в 60-х годах, после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» среди молодежи обрел популярность *нигилизм*, скептическое и сугубо рациональное отношение к обычаям и традициям, порой основанным на предрассудках и суевериях, отрицание авторитетов, прежде всего религиозных и философских. Как учение нигилизм в значительной степени был бесплодным, наиболее успешно способным на отрицание и разрушение духовных устоев, но не на утверждение и созидание.

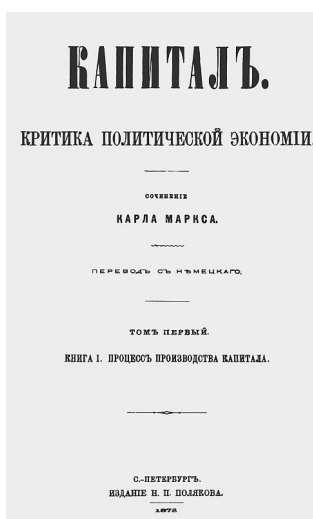
В то же время он содействовал сокращению материальных потребностей интеллигента и облегчал образование коммун для совместной жизни и взаимного развития личности. В наибольшей степени это относится к объединению усилий не только мужчин, но также и женщин. В результате активную роль в революционных кружках и обществах стали играть женщины.

На духовной почве, расчищенной нигилизмом, дали бурные всходы идеи анархизма и социализма.

В 1872 году появился в русском переводе первый том «Капитала». Стройностью системы и глубиной критики капитализма Маркс произвел на интеллигентную молодежь огромное впечатление. Немногие, конечно, одолели этот солидный фолиант. Но идеи политической экономии Маркса стали входить в общий оборот. Другие его произведения оставались неизвестными широкой публике. Широко распространились лишь учение о трудовой ценности и взгляды Маркса на отношения между трудом и капиталом.

Народники семидесятых годов прониклись ненавистью к жестокой эксплуатации трудящихся капиталистами и признали освобождение труда одной из первых задач всякой прогрессивной революционной программы. По признанию Ковалика: «Далее этого не шло значение Маркса, и никто из семидесятников не признавал его отцом научного социализма. Молодежь того времени и после прочтения “Капитала” продолжала оставаться на точке зрения “утопического” социализма, признавая своими учителями Чернышевского, а вскоре потом Лаврова и Бакунина».

Возможно, наиболее содействовали выработке миросозерцания «Исторические письма» Лаврова. Они пробуждали в душах молодых людей чувство патриотизма не по отношению к государству, а прежде всего – к своему народу, пребывающему в состоянии экономического и духовного рабства, отрешенному от достижений цивилизации; призывали к уплате долга народу за полученное образование.

«Капиталъ». Т. 1. Первое русское издание

В России при жесткой цензуре и отсутствии политической свободы наука стала едва ли не основным средством широкого распространения революционных идей. Но были, помимо всего прочего, и острословы, эпиграммы, строки которых распространялись письменно и устно. Вот, к примеру, четверостишие Николая Щербины, написанное еще до отмены крепостного права:

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки...
Мы – европейские слова
И азиатские поступки.

Затем пришла пора выступлений народников и репрессий, направленных против них. Один из тех, кому пришлось испытать их на себе – Михаил Михайлов, – отметил:

Преданность вечно была в характере русского люда.
Кто же не предан теперь? Ни одного не найдешь.
Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

Когда князь М.Т. Лорис-Меликов, которого Александр II называл «бархатным диктатором», подготавливал реформы, ограничивающие самодержавие, Дмитрий Минаев обратился к нему со «смехотворным» посланием:

Ввиду порядка строгого
Мы просим, граф, немногого:
Вы дайте конституцию,
На первый раз хоть куцую!

Много сатирических стрел было выпущено в ту пору против ущемления свободы печати. Вот как Минаев описал то, что творится в кабинете цензора:

Здесь над статьями совершают
Вдвойне губительный обряд:
Как православных – их крестят
И как евреев – обрезают.

На некоторое ослабление пресса цензуры при запрещении работ на острые социально-политические темы Василий Курочкин отозвался так:

Эпоха гласности настала;
Во всем прогресс, но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.

Весьма кратко и столь же точно определил Владимир Гиляровский главную российскую беду:

В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,

А наверху – тьма власти.

Но, конечно же, наибольшее влияние на революционно настроенную молодежь оказывали критические и художественные сочинения Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Философские труды Лаврова не пользовались популярностью в отличие от его социально-политических статей.

В «Исторических письмах» Лавров доказывал, что осмысление и оценка исторических событий не могут быть объективными. «Волей или неволей приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку, – писал он, – то есть, усвоив по степени своего нравственного развития тот или другой нравственный идеал, располагать все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу».

Кто движет историю, осуществляет исторический процесс? По мнению Лаврова: «Одинокие борющиеся личности». Но разве под силу такое деяние одиночкам? Нет, конечно. Отдельные личности превращаются в общественную силу в том случае, когда вокруг них сплачиваются единомышленники, когда образуются партии. Только в таком случае сила единичная превращается в силу коллективную.

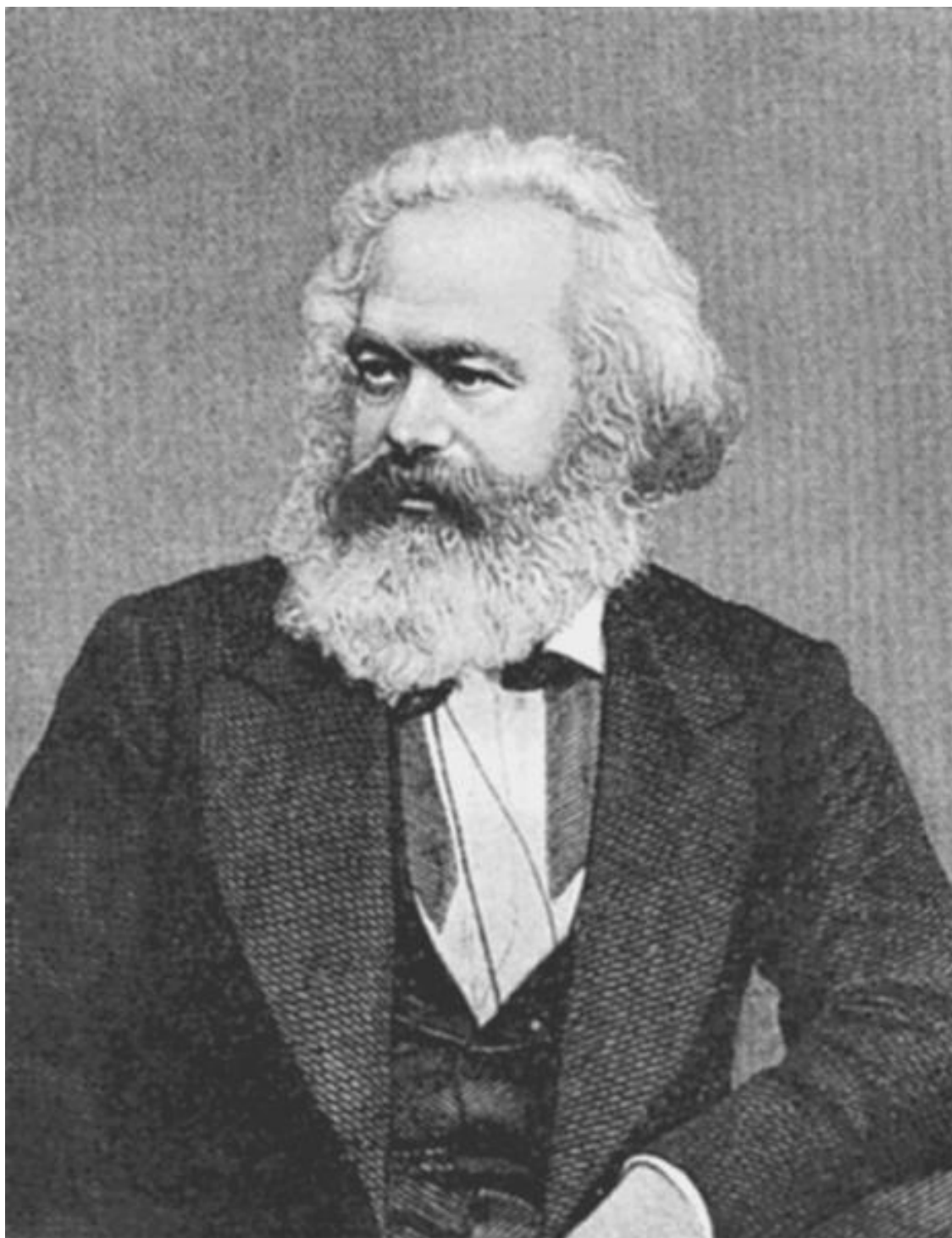
Конечно, надо иметь в виду, что помимо подпольных или полулегальных сочинений, призывающих к решительным преобразованиям русского общества, существовало достаточно сильное и весомое течение консерваторов разного толка, вплоть до восторженных сторонников самодержавия. Как мы уже говорили, сильный удар по революционным идеям и их сторонникам был нанесен бывшим их товарищем Ф.М. Достоевским в романе «Бесы». Но и контрудары были не слабые.

Например, после того, как Федор Михайлович стал редактором консервативной газеты «Гражданин», издаваемой князем Мещерским, Дмитрий Минаев отозвался так:

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чертиков другой договорился.

Один из идеологов народничества Н.К. Михайловский посвятил «Бесам» большую статью. В ней он, в частности, справедливо отметил:

«Пока вы занимаетесь безумными и бесноватыми гражданами и народной правдой, на эту самую народную правду налетают, как коршуны, граждане благоразумные, не беснующиеся, мирные и смирные, и рвут ее с алчностью хищной птицы, но с аллюрами благодетелей человечества. Как! Россия, этот бесноватый больной, вами изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками, – и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира! Вы сосредоточиваете свое внимание на ничтожной горсти безумцев и негодяев!

Карл Маркс

В вашем романе нет беса национального богатства, беса, самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. Свиньи, одолеваемые этим бесом, не бросятся, конечно, со скалы в море, нет, они будут похитрее ваших любимых героев. Если бы вы их заметили, они составили бы украшение вашего романа. Вы не за тех бесов ухватились. Бес служения народу – пусть он будет действительно бес, изгнанный из большого тела России, – жаждет в той или другой форме искупления, в этом именно вся его суть».

Что правда, то правда: у Федора Михайловича не показаны наиболее страшные и опасные нечистые, терзающие российское общество, – бесы лжи, лицемерия, корысти, подло-

сти, разврата, чревоугодия, бесчеловечности... Ведь даже Христос, образ которого был для Достоевского идеалом, порой выступал как революционер не только в идеях, но и в поступках, изгоняя торгующих из храма.

Конечно же, позицию писателя нетрудно понять. Он сознавал, что революция обычно переходит в братоубийственную гражданскую войну, а потому старался избежать острых социальных конфликтов, надеясь на мирное их разрешение по доброй воле царя, а также имущих власть и капиталы, проникнутых православной идеологией. Однако этой благостной утопии не суждено было свершиться. И это было ясно уже при жизни Достоевского.

Глава 3. Бациллы общественного брожения

Появились какие-то новые трихины... Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные...

Федор Достоевский, 1866

*Исполнилось пророчество: трихины
В тела и дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелия, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут: мор, голод и война...*

Максимилиан Волошин, 1917

Революционное мессианство

Принято считать, будто революционные идеи пришли в Россию извне, с Запада. Такое мнение справедливо лишь отчасти. Его, на мой взгляд, разделяют две очень разные категории людей: и считающие себя русскими патриотами, и презирающие нашу страну. И те, и другие вольно или невольно представляют народ единой стадной массой, в которой господствуют инстинкты, примитивные умозрения при обобщенном национальном характере.

Подобный статистический подход с нахождением средних значений более или менее оправдывает себя в демографических расчетах. Но когда речь идет о психологических или интеллектуальных показателях, применимых к так называемому общественному организму, необходимо учитывать его важнейшее качество – неоднородность, разнообразие личностей, пусть даже более или менее типических.

Так, считают одними из черт русского национального характера смирение, набожность, незлобивость, покорность, доверчивость, поистине нечеловеческое терпение. Да ведь это качества идеального раба! Называют его женственным, податливым, мягким. (Да много ли было прежде в России женоподобных мужиков?!) А немцев, напротив, признают как нацию с воинственным мужским характером завоевателя, господина. Это уже стало штампом.

Возможно, у разных народов существуют какие-то духовные различия: у одних преобладают те качества, которые у других проявляются слабей. Однако несравненно важнее, по-моему, учитывать социальную структуру данного общества и конкретные исторические обстоятельства, в какие оно поставлено, государственную политику и пропаганду, а также национальные традиции.

Например, до середины XX века немцы были агрессорами. Но в Великой Отечественной войне русский народ проявил больше, чем они, стойкости, мужества, настоящего мужского характера. И к власти в России относились вовсе не так безропотно-покорно, как представляют некоторые современные псевдоисторики. Не случайно же тогда наш советский народ был прославлен во всем мире больше, чем любой другой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.